

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

B
P229s

СВѢДѢНІЕ

ЖИЗНИ И ПОДВИГАХЪ

Старца

КЛЕВО-ПЕЧЕРСКІЯ ЛАВРЫ

ІЕРОСХИМОНАХА

ШАРОНИНА.

Кієвъ.

Въ Типографіи Клево-Печерскія Лаври.

1836.

Отъ Комитета Духовной Цензуры печатать
дозволяется. Кіевъ. Марта 20 дня. 1856 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Скорцевъ .

В
Р2295

Утѣшительно вѣрить, что благословеніе святыя горы Аѳонскія, принесенное преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ нашимъ Антоніемъ на горы Кіевскія, благодатію Божіею, предстательствомъ пресвятыя Дѣвы Богородицы и молитвами его, не оскудѣвало никогда, не оскудѣло и доселѣ въ св. Кіево-печерской Лаврѣ; что духъ монашества и истинно богоугодной, подвижнической жизни не изсякъ въ ней и въ послѣднее время; что и нынѣ—въ едионадесятый часъ—являются здѣсь добрые дѣлатели въ вертоградѣ царствія небеснаго и пріеムются Домовладыкою, якоже и трудившіеся древле, отъ перваго часа.

Таковъ въ наше время былъ ревностно шедшій по стопамъ древнихъ преподобныхъ отцевъ печерскихъ и почившій сномъ праведника въ 1855 году старецъ Кіево-печерской Лавры Иеросхимонахъ Парѳеній.

Поучительно читать повѣствованіе о дивныхъ подвигахъ равноангельной жизни древнихъ подвижниковъ, угождавшихъ нѣкогда Богу въ пустыняхъ Египта и Палестины; на св. горѣ Афонской и на нашемъ родномъ Афонѣ— св. горахъ Кіевскихъ. Волею или неволею душа при этомъ согрѣвается, отрѣшается отъ земнаго пристрастія и воспламеняется, хотя временно, тѣмъ желаніемъ Божественнаго, которымъ у пустынниковъ горѣла она непрестанно. Но самая отдаленность наша отъ тѣхъ временъ, когда они жили, ослабляетъ въ неусердныхъ искателяхъ царствія Божія силу сего благодатнаго впечатлѣнія. Лѣность и холодность людей нынѣшняго вѣка находятъ себѣ лукавое успокоеніе въ той мысли, что это было когда-то въ давнія времена, а теперь, въ наше время и сколько нибудь подобныя подвиги и подобная высота жизни духовной— невозможны... Тѣмъ поучительнѣе, поэтому, для насъ примѣръ вы-

совой подвижничёской жизни мужей близких къ намъ по времени и иначе современныхъ. Тѣмъ драгоценнѣе для насъ каждая, самая частная черта изъ жизни такихъ мужей, особенно когда представимъ себѣ, что въ самомъ дѣлѣ стали рѣдки на землѣ таковыя мужи, какъ будто классы на нивѣ пожатой, или грозды виноградныя послѣ собранія плодовъ, по выраженію Пророка!...

Глубоко чтимый и незабвенный для всѣхъ знавшихъ его, отецъ Парвеній родился Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда въ селѣ Симоновѣ, въ 40 верстахъ отъ города Тулы, 24 августа 1790 года, отъ отца причетника того села, по имени Іоанна Краснопѣвцева, и матери Анны, и при рожденіи наименованъ былъ Петромъ.

Сынъ бѣднаго причетника, онъ отъ колыбели испыталъ скорби, неразлучныя съ убожествомъ. Покрывая терпѣемъ жизненный путь, бѣд-

ность для людей обыкновенныхъ бываетъ нѣрѣдко если не матерью пороковъ, то какъ бы гнетомъ, подавляющимъ всякое стремленіе къ высокому: но для душъ избранныхъ— это огонь очистительный, погасящій въ самомъ зародышѣ наклонности и страсти испорченной природы человѣческой, лелѣемая довольствомъ и роскошью. Избранный отъ младыхъ лѣтъ быть чистымъ сосудомъ молитвы и служенія Богу, юный Петръ въ труженнической жизни своихъ родителей почерпалъ уроки терпѣнія, трудолюбія и совершеннаго презрѣнія къ такъ называемымъ земнымъ благамъ, и это презрѣніе ко всему вещественному, ко всему, что составляетъ удобства жизни, было въ послѣдствіи отличительною чертою его характера. Онъ до могилы искалъ одного удобства: молиться и молиться безпрепятственно.

По достиженіи отроческаго возраста, Петръ, обученный грамотѣ

въ домѣ родительскомъ, поступилъ въ духовное Тульское училище. Имѣя отъ природы быстрыя способности, онъ успѣвалъ въ наукахъ очень легко, и по окончаніи училищнаго курса переведенъ въ семинарію въ классъ Словесности. Но еще въ раннемъ возрастѣ открылось въ немъ призваніе овъшне къ иной, лучшей цѣли, чѣмъ школьное образованіе. Сердце его, долженствовавшее быть храмомъ Святаго Духа, отъ младенчества горѣло особенною любовію къ Богу—Утѣшителю, и еще въ отроческихъ лѣтахъ сподобился онъ благодатнаго видимаго наитія Его. „Однажды, сказывалъ онъ, возвращаясь вмѣстѣ съ братомъ изъ училища на вакаціальное время въ домъ родительскій, мы остановились гдѣ-то на ночь и легли уснуть подъ открытымъ небомъ. Ночь была ясная; я долго не могъ уснуть; не знаю отъ чего сердце у меня какъ то радовалось неизреченно. Я смотрѣлъ вверхъ, и вдругъ вижу бѣлюсязнаго голубя,

нарящаго надо мною. Я удивился, откуда онъ; въ домъ его не было; гляжу и не наглажусь, — такъ онъ хорошъ; и не летаетъ, а все на одномъ мѣстѣ то поднимается, то опускается надо мной. Я разбудилъ спящаго подлѣ меня брата: посмотри, говорю; видишь ты голубя? Какого? гдѣ?— Да вотъ надо мной.— Ничего не вижу; ты, знать, во снѣ, братъ, бредишь!— Онъ заснулъ опять, а я до самаго свѣта не сводилъ глазъ съ него, и радовался несказанною радостію. Съ разсвѣтомъ онъ не улетѣлъ, а сталъ вдругъ невидимъ. И съ этой поры въ сердце мое запала какая-то сладость и желаніе чего-то нездѣшняго, и я уже ни на что земное не прельщался; мнѣ все было противно; ко всему я охладѣлъ, и тяжело было мнѣ между людьми. “О семъ видѣніи упоминаеть онъ и въ одномъ изъ молитвенныхъ пѣснопѣній своихъ: „Неописанный Параклите, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ пребывай! Установи во мнѣ храмъ своему

величеству. Пмятствую явленіе въ моемъ возрастѣ еще младомъ твоего наугія тика и тонка на мя лѣнива и нерадива, голубя въ видѣ.“

Послѣ сего видѣнія, давшаго его характеру рѣшительное направленіе и отрѣшившаго душу его отъ земли, благодатный отрокъ удалялся отъ людей, часто уходилъ въ прилежащій къ деревнѣ лѣсъ, и тамъ воспитывалъ въ себѣ любовь къ безмолвію, богомыслию и молитвѣ. „Однажды, говорилъ онъ, я, утомившись, легъ подъ деревомъ и задремалъ. Очнувшись, вижу стоящаго предо мной благообразнаго старца — монаха, который сказалъ мнѣ: „страненъ монахъ и земень мертвецъ,“ — и удалился въ чащу деревъ. Я побѣжалъ за нимъ, но не могъ отыскать его, образъ же монаха и слова его остались на всегда въ душѣ моей. Съ той поры родилась у меня мысль о монашествѣ. Въ послѣдствіи, размышляя о значеніи сихъ таинствен-

ныхъ словъ , я истолковалъ ихъ себѣ такъ: что монахъ долженъ быть страннымъ , т. е. чуждымъ пришельцемъ вездѣ , и мертвецемъ на землѣ .“

Старшій братъ его Василій вступилъ въ монастырь , когда Петръ былъ еще въ семинаріи , и на немъ , казалось , лежала обязанность быть подпорою своего семейства ; но промыслъ Божій готовилъ ему иное назначеніе . За чрезвычайную кротость и тихость нрава , а вмѣстѣ и за высокую разсудительность , какую являлъ онъ еще въ незрѣломъ возрастѣ , онъ любимъ былъ всѣми въ околodкѣ , и особеннымъ уваженіемъ пользовался въ домашнемъ кругу . Во всякомъ , сколько нибудь затруднительномъ , обстоятельстве родители его говорили : спросимъ , что скажетъ Петруша , — и его слово , отличавшееся необычайною простотою , но вмѣстѣ и силою разсужденія , было для нихъ какъ бы закономъ . Слѣдующій , переданный

имъ самимъ, случай показываетъ, какъ дѣйствительно было это безыскусственное слово истины, исходившее еще изъ юныхъ устъ его. Братъ его, будучи послушникомъ въ Жабинской пустыни, пріѣхалъ однажды погостить въ домъ родительскій. Родители, видя образъ мыслей и жизни младшаго сына и начиная терять надежду склонить его къ семейной жизни, стали уговаривать Василю, живаго и веселаго юношу, оставить монастырь, жениться и быть опорой ихъ старости. Не долго колебался онъ и былъ готовъ уступить ихъ желанію, и вотъ однажды вечеромъ, повторя о семъ рѣчь, родители указали ему на выгодное и праздное мѣсто, назвали и невѣсту. „Ну, матушка, такъ и быть, дѣло кончено, — говорилъ Василій; утѣшу тебя; не возвращусь уже въ монастырь, а поѣду ко Владыкѣ подавать прошеніе. Да что-то скажеть на это Петруша?“ „А я, говорилъ старецъ, — лежа на печи, отвѣчалъ ему:

объщался ты, братъ, служить Богу, а теперь хочешь служить сатанѣ: такъ мнѣ съ тобою нѣтъ части; я тебя и знать не хочу!“ „Ну коли такъ говоритъ Петруша, сказали родители, то объ этомъ и думать нечего; нѣтъ тутъ Божія благословенія!“— и Василій возвратился въ монастырь, гдѣ въ послѣдствіи былъ іеромонахомъ и игуменомъ и назывался Венедиктомъ. (*)

Со дня на день болѣе и болѣе возгаралось въ юномъ Петрѣ желаніе Божественнаго, и побуждаемый имъ; онъ стремился посѣтить Кіевъ и поклониться святымъ Угодникамъ, тамъ нетлѣнно почивающимъ. И вотъ, въ вакаціальное, свободное отъ ученія время онъ испросилъ себѣ у начальства билетъ, а у родителей благословеніе и отправился въ Кіевъ пѣшкомъ на богомолье. Это было лѣтомъ въ 1814 году. Когда прибылъ онъ въ Кіево-

(*) Въ 1888 году онъ прибылъ на покой въ Кіевъ, и въ томъ же году скончался и погребенъ въ Кляшевской пустыни.

печерскую Лавру, ему, по особенному о немъ промыслу Божию, указали на келью тогдашняго начальника Типографіи, соборнаго старца іеромонаха Антонія, отличавшагося строгою подвижническою жизнію и бывшаго въ послѣдствіи Намѣстникомъ Лавры, а потомъ Архіепископомъ Воронежскимъ. Онъ принялъ Петра съ любовію и радушною простотою, о которыхъ старецъ всегда воспоминалъ съ глубокою признательностію,— съ участіемъ распросилъ его объ обстоятельствахъ и намѣреніяхъ его; и далъ пріютъ у себя на все время пребыванія его въ Кіевѣ. „Незъяснима была, сказывалъ старецъ, та радость, какую ощутилъ я, при входѣ во врата св. Лавры и при взглядѣ на великую, небеси подобную церковь лаврскую. Тогда же данъ былъ мною обѣтъ здѣсь остаться и быть хотя самымъ послѣднимъ послушникомъ и служителемъ на дворѣ лаврскомъ.“

Въ это время еще живы были въ Лаврѣ великіе старцы, извѣстные строгостію жизни и прозорливостію: Вассіанъ слѣпой и Михаилъ схимникъ. Перваго изъ нихъ посѣщаль въ бытность свою въ Кіевѣ Государь Императоръ Александръ Павловичъ, и хотя входилъ къ нему въ полночь, безъ предварительнаго извѣщенія и не желая открывать ему своего высокаго сана, но узнавъ былъ имъ. Благословенный Монархъ глубоко былъ тронутъ бесѣдою мудраго старца, исповѣдывался у него, и въ послѣдствіи пожаловалъ ему драгоценный наперсный крестъ, и понынѣ хранящійся въ лаврской ризницѣ. (*) Прибывши въ Лавру, и слышавъ прежде о старцѣ Михаилѣ, Петръ пожелалъ принять его благословеніе. „Прихожу къ дверямъ его кельи, сказывалъ онъ, стучусь въ нихъ, и Михаилъ, вышедши, прямо назвалъ меня по имени, спросивъ: „что ты, Петре,

(*) Скончался въ 1827 году съ 24 на 25 Марша 82-хъ лѣтъ отъ рожденія, и похороненъ при дальнихъ Пещерахъ.

пришелъ, — и благословилъ желаніе мое
остаться въ Лавръ на послушаніи.“ (*)

Но проживши около года въ Лавръ
(съ Августа 1814 г. по 22 марта 1815),
Петръ не былъ уволенъ изъ семина-
ріи и епархіи своей, и по требова-
нію начальства долженъ былъ возвра-
титься въ Тулу и опять взяться за уче-
ніе. Чувствуя однакожь неодолимое
стремленіе въ Кіевъ и къ иноческой
жизни, онъ въ томъ же году (1815) уво-
дился изъ семинаріи. Такимъ обра-
зомъ онъ не окончилъ полнаго курса
образованія, почему и называлъ самъ
себя всегда невѣждою и неученымъ.
„Я вѣдь не богословъ,“ говаривалъ онъ,
уклоняясь отъ какихъ либо ученыхъ
вопросовъ, цѣлю которыхъ было не
назиданіе и спасеніе души, а простая
пытливость ума. Между тѣмъ онъ глу-
боко понималъ самыя высокія таин-

(*) Сшарецъ Михаилъ скончался 22 Декабря 1818 года
на 23-мъ году отъ рожденія и погребенъ при Больничной
церкви.

ства Богословія, почерпнувъ вѣдѣніе оныхъ не въ книжномъ и школьномъ наученіи, а въ непрестанномъ молитвенномъ созерцаніи Бога— Слова...

Отъ Господа стопы человѣскія исправляются, говоритъ Премудрый. Въ пути избранныхъ Его всему назначень часъ недовѣдомыми для насъ судьбами Вышняго, и не иначе они вступаютъ на путь сей, какъ чрезъ болѣе или менѣе продолжительное испытаніе, въ которомъ искушается, очищается и укрѣпляется ихъ душа въ благихъ своихъ намѣреніяхъ и они уготовляются къ своему назначенію. По увольненіи изъ семинаріи Петръ думалъ, что не будетъ уже ему никакого препятствія къ исполненію своего намѣренія: но вышло не такъ. Родители хотѣли пристроить его скорѣе къ мѣсту поближе къ себѣ, и заставили его опредѣлиться причетникомъ въ родномъ своемъ селѣ на открывшееся мѣсто.— Здѣсь была готова

ему и невѣста—сирота, дочь священника . По мягкости и кротости своего характера, онъ не противорѣчилъ волѣ родителей . Сдѣлана была помолвка и назначень день брака . Но, не дождавшись его, онъ ушелъ въ другой разъ въ Кіевъ . Впрочемъ и въ этотъ разъ, послѣ двухмѣсячнаго странствованія , долженъ былъ опять возвратиться на родину , не бывъ опять уволенъ изъ епархіальнаго вѣдомства . Возвратившись домой, Петръ нашелъ свою невѣсту уже за мужемъ . Между тѣмъ родители нашли ему другую— въ сосѣдней Калужской епархіи, дочь одного священника . Этотъ священникъ вскорѣ умеръ, и родные желали, чтобы онъ занялъ его мѣсто . Петръ и въ этотъ разъ не прекословилъ родителямъ, и отправился въ Калугу къ тамошнему Преосвященному (Антонию) съ прошеніемъ предоставить ему мѣсто умершаго священника, со взятіемъ въ замужество сироты— его дочери . Но Архiepиастырѣ отказалъ, и

Петру, по возвращеніи домой, оставалось жениться на сиротѣ и быть простымъ причетникомъ на прежнемъ мѣстѣ. Опять все было слажено. Но прежде, чѣмъ исполнилось это, случилось ему быть въ Туль, гдѣ былъ уже новый Архипастырь— Авраамій. Тутъ пришло ему на мысль вновь попроситься въ Кіевъ. Архипастырь охотно согласился. „Молись тамъ и за меня“— сказалъ онъ Петру, и приказалъ немедленно дать ему билетъ. На другой же день получилъ онъ билетъ съ совершеннымъ увольненіемъ изъ епархіи. Возвратившись домой, Петръ объявилъ объ этомъ родителямъ. Съ сожалѣніемъ и слезами они выслушали его, но не стали наконецъ противорѣчить и благословили сына въ путь, видя въ немъ давно уже избранника Божія и ходатая своего у престола благодати. „Молись за насъ, Петруша, сказали они; мы видимъ, что тебѣ жить между нами нельзя.“ Съ особеннымъ умиленіемъ воспоминалъ

всегда старецъ любовь родительскую. „У батюшки, говорилъ онъ, были одни только сапоги, которые надѣвалъ онъ по праздникамъ; но проводя меня, онъ отдалъ ихъ мнѣ, говоря: ты свои износишь за дорогу, а купить другихъ тебѣ не за что. Я взялъ, чтобы не огорчить его, но съ дороги переслалъ ихъ ему съ вѣрнымъ челоѡкомъ, а самъ пошелъ въ лаптяхъ. Надѣлилъ меня еще родитель мой гривною денегъ, да благословилъ мѣднымъ небольшимъ крестомъ.“ Впрочемъ на дорогѣ случилось ему встрѣтиться съ однимъ добрымъ купцемъ, ѣздившимъ въ Кіевъ. Онъ пригласилъ Петра быть сопутникомъ, и чрезъ то, при совершенномъ недостаткѣ собственныхъ средствъ, доставлена была ему возможность не только дойти, но и доѣхать въ Кіевъ.

Въ Іюнь мѣсяцъ 1819 года прибылъ онъ въ Кіево-печерскую Лавру и нашелъ знакомаго ему начальника

Типографіи Антонія уже намѣстникомъ Лавры. Онъ принялъ Петра съ прежнею любовію, исходатайствовалъ у Митрополита Серапіона благословеніе на опредѣленіе его въ Лавру, и помѣстилъ его въ просфорнѣ, гдѣ и началась его подвижническая жизнь. „Я вовсе не раздумывалъ, говорилъ онъ, о подвигахъ монашескихъ, о томъ, чтобы установить себѣ такое или другое правило, избрать такой или другой образъ жизни; я думалъ только о томъ, какъ бы молиться да молиться непрестанно и трудиться сколько силъ есть, слушать во всемъ какъ Бога начальника, никого не оскорбить и не осудить; да мнѣ и некогда было смотрѣть за поступками другихъ; я только себя зналъ.“ Такъ, руководимый Духомъ святымъ, онъ въ новоначаліи легко исполнялъ тѣ добродѣтели, которыя обыкновенно бываютъ только плодомъ долговременныхъ подвиговъ. Онъ утруждалъ плоть свою, подвергалъ себя всякаго рода лише-

ніямъ не для умерщвленія плотскихъ страстей, — онъ ихъ не зналъ, хранимый благодатію Божіею съ ранняго дѣтства, — а потому, что презиралъ покой тѣлесный, полагая, что всякая внѣшняя забота, всякое попеченіе о себѣ отвлекали бы его отъ молитвы, которой хотѣлъ онъ посвящать каждую минуту, оставшюся у него свободно отъ многотруднаго послушанія просфорническаго, съ горячимъ усердіемъ имъ проходимаго. „Бывало, утрудившись, говорилъ онъ, и лягу подъ лавкой, или подъ столомъ, — мнѣ все было равно.“

Строгая жизнь его и ревность къ послушанію не укрылись отъ слѣдившаго за нимъ съ особеннымъ вниманіемъ Намѣстника Лавры Антонія, и въ томъ же году онъ сдѣланъ начальникомъ просфорни, гдѣ и провелъ двѣнадцать лѣтъ въ трудахъ и непрестанной молитвѣ. Тутъ, когда однаж-

ды подвергался онъ духу унынія и душа его нуждалась въ утѣшеніи и подкрѣпленіи въ трудахъ проходимаго имъ послушанія, — въ одну ночь молитвеннаго бдѣнія сподобился онъ видѣнія преподобнаго Никодима просфорника, сидящаго у просфорной печи съ псалтирью въ рукахъ. Я думалъ, говорилъ онъ, что это кто либо изъ старцевъ лаврскихъ, и удивился, за чѣмъ онъ въ мантии и какъ я не замѣтилъ его прихода. Но когда подошелъ къ нему ближе, онъ сталъ невѣдимъ; а когда я уснулъ на зарѣ, вижу его во снѣ, и онъ говоритъ мнѣ: Я Никодимъ просфорникъ и всегда посѣщаю мѣсто, гдѣ я трудился и улучилъ милость Божию и спасеніе.“ Съ той поры онъ питалъ къ сему Угоднику особенную любовь и благоговѣніе, и подражалъ ему въ ежедневномъ совершеніи всей псалтири, которую вокорѣ и выучилъ на память, такъ что въ послѣдствіи всегда читалъ ее наизусть.

Самъ о себѣ говорилъ, что онъ не былъ постникомъ во всю жизнь и не держалъ никогда поста не только что по недѣлямъ, но даже и по цѣлымъ днямъ. Однакоже былъ воздержень и умѣренъ въ высшей степени. Нравъ имѣлъ удивительно кроткій, ласковый и привѣтливый ко всѣмъ. Со слезами благодарности къ Богу всегда вспоминалъ онъ, что протекъ долготѣннй путь лаврской жизни съ самаго ея начала какъ то чрезвычайно спокойно и мирно, ни отъ кого никогда не видалъ ни малѣйшаго оскорбленія, напротивъ видѣлъ отъ всѣхъ и старшихъ и младшихъ братій привѣтливость, любовь, готовность ко всякимъ услугамъ и уваженіе, хотя никогда ни съ кѣмъ не любилъ входить въ особенную близкую общительность.

Кромѣ подвиговъ трудолюбія, бдѣнія и молитвы, ничѣмъ не возмущаемой кротости и совершеннаго незлобїа, онъ особенно поражалъ всѣхъ своимъ удивительнымъ нестяжаніемъ, онъ

не имѣлъ другой одежды, кромѣ той, которую носилъ, да и послѣднюю готовъ былъ съ радостію отдать нуждающемуся. Однажды, въ холодное зимнее время, какой то странникъ укралъ у него подаренный ему однимъ Боголюбцемъ тулупъ. Онъ ни мало не оскорбился симъ, хотя и не имѣлъ другаго. Черезъ нѣсколько дней послушники поймали вора въ его тулупъ и съ укоризнами приводятъ его въ просфорню. Видя смущеніе бѣдняка, онъ говоритъ ему: „не троньте его; онъ бѣдный и въ тулупъ трясется; намъ вѣдь хорошо здѣсь въ теплѣ сидѣть; а онъ безъ покрова день и ночь на морозѣ.“ Потомъ, обращаясь къ вору, говоритъ: „не скорби, брате; возми себѣ этотъ тулупъ; вотъ тебѣ и денегъ на пропитаніе; только впередъ не бери чужаго.“ Подобными примѣрами нестяжанія ознаменованъ былъ каждый шагъ его.

По собственнымъ его словамъ онъ не извѣдалъ борьбы съ плотію даже въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. Господу угод-

но было, чтобы сердце его, имущее быть жилищемъ святаго Духа и храмомъ молитвы, не запятналось никогда не только страстями нечистыми, но ни же какимъ либо особеннымъ пристрастіемъ земнымъ; даже отъ мысленныхъ грѣховныхъ прираженій охраняла его благодать Божія. „Въ началъ моего просфорнаго послушанія, сказывалъ онъ, — случилось мнѣ однажды наслушаться невольно праздныхъ бесѣдъ между ребятами, и въ сумерки, когда прилежь я отдохнуть, взбрело на мысль мнѣ слышанное. А я еще былъ неискусень, не отогналъ этой мысли, остановился на ней, и наконецъ думаю: да какъ это люди грѣшатъ, что же за пріятность въ грѣхѣ плотскомъ? Далѣе и далѣе эта мысль начинаетъ занимать меня; никакъ ужъ и не отвязусь отъ ней. Вдругъ стучать въ дверь и зовутъ меня на послушаніе. Я пошелъ не медля; принялся по обычаю за дѣло отъ всей души съ молитвою, и помыслы, меня занимавшіе, исчезли совершенно,

такъ что я и забылъ о нихъ. Протрудившись до полуночи, совершилъ я обычное правило и уснулъ. Рано утромъ меня зовутъ къ Намѣстнику. Когда я пришелъ къ нему, онъ повелъ меня въ кабинетъ и говорить: „Скажи мнѣ, Петръ, какъ бы́ отцу духовному, не согрѣшилъ ли ты въ чемъ либо особенно?“ Я смутился; думаю, перебираю въ мысляхъ прошедшее, и ничего не нахожу.— „Нѣтъ, говорю, не знаю ничего, кажется, въ чемъ бы укорила меня совѣсть.“— „Подумай, говорить онъ; испытай себя хорошенько.“ Опять думаю; нѣтъ, ничего не припомню. Тогда онъ говорить мнѣ: „Ну что нибудь да есть. Я видѣлъ нынѣ во снѣ, будто стою въ великой церкви противъ мѣстной иконы Пресвятой Богородицы. Близъ ея по сторонамъ св. Апостоль Петръ и преподобный Антоній. Ты входишь въ церковь, подходишь къ иконѣ, кладешь поклонъ; Пресвятая Владычица, какъ бы живая, отвращаетъ отъ тебя лице.

Ты заходишь съ другой стороны, она опять отвращается отъ тебя. Ты оставилъ предъ Нею въ смущеніи. Тогда преподобный Антоній покрываетъ тебя своею мантией и говоритъ вмѣстѣ со св. Апостоломъ Петромъ: Пресвятая Владычице, прости его; онъ согрѣшилъ въ невѣдѣніи; мы тебѣ за него поручаемся. — „Если вы за него поручаетесь, говоритъ Пресвятая Дѣва, я прощаю его васъ ради.“ — Съ сими словами она обратила къ тебѣ лице, и я пробудился. Подумай же еще; если ты не согрѣшилъ дѣломъ, то не помыслилъ ли чего безмѣстнаго. — „Тогда я вдругъ какъ бы озарился свѣтомъ, вспомнилъ смущавшіе меня помыслы и исповѣдалъ ихъ Намѣстнику.“ „Этотъ случай, прибавлялъ онъ къ своему рассказу, указалъ мнѣ, до какой степени должно хранить себя даже отъ приближенія къ нечистымъ помысламъ, и какъ тщательно должны мы блюсти чистоту не только тѣлесную, но и умственную, —

если Пресвятая Владычица отвращается отъ насъ и за помышленія о чуждыхъ грѣхопаденіяхъ! Вотъ что значить: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя, и отъ гуждихъ пощади раба твоего!*“

Въ 1824 году Сентября 20 дня облечень онъ въ иноческій образъ Намѣстникомъ Лавры Архимандритомъ Антоніемъ въ Больничной церкви и наречень Пафнутіемъ. Въ непродолжительномъ времени рукоположенъ въ Іеродіакона Пресвященнымъ Митрополитомъ Евгеніемъ. Съ пріятіемъ иночества увеличилъ онъ подвиги молитвы и самоотверженія. При входѣ въ келью его взоръ поражаема пустотою и лишеніемъ. Одни голыя стѣны, на небольшомъ столикѣ распятіе и икона Пресвятой Богородицы, деревянная скамья безъ всякаго покрова, служившая ему и одромъ для успокоенія, деревянная чашка и фонарь, — вотъ все, что въ теченіи многихъ лѣтъ удовлетворяло всѣмъ его потребно-

стимъ. Ночи проводилъ онъ въ молитвѣ и чтеніи, и трудился въ переписываніи отеческихъ книгъ. Такъ собственно-ручно переписаны имъ Скитскій Патерикъ и книга Исаака Сирина .

По мѣрѣ подвиговъ своихъ, возросталъ и преуспѣвалъ онъ и въ совершенствѣ духовномъ и удостоивался по временамъ необычайныхъ благодатныхъ осязаний . Такъ однажды, во время совершенія Божественной Литургіи Намѣстникомъ Лавры Антоніемъ въ великой церкви въ праздникъ сошествія святаго Духа, когда и онъ священнодѣйствовалъ вмѣстѣ, будучи еще въ санѣ Іеродіакона, — онъ былъ въ восхищеніи и удостоился нѣкоего чуднаго и неизреченнаго озаренія свыше, въ коемъ открылось ему въ яснѣйшемъ свѣтѣ таинство спасенія нашего. Объ этомъ сохранилось у него живѣйшее и неизъяснимо пріятное воспоминаніе, хотя объяснить и высказать ничего опредѣленнаго о семъ онъ не былъ въ состояніи .

Предъ рукоположеніемъ своимъ во священство онъ имѣлъ слѣдующее сновидѣніе: „Вижу я, сказываль онъ,— что вхожу въ алтарь великой церкви, аки бы уготовляясь ко служенію. У престола стоитъ невѣдомый мнѣ Архіерей въ полномъ облаченіи, одесную жена благолѣпная въ царской одеждѣ, а на престолѣ Евангеліе въ неизреченномъ сіяніи. Святитель говоритъ мнѣ: „Пафнутій, возьми Евангеліе и священнодѣйствуй.“ А я, пораженный свѣтомъ, окружающимъ престолъ и Евангеліе, говорю: не дерзаю, Владыко святой, приблизиться къ престолу святому, не только прикоснуться къ Евангелію. . . Тогда предстоящая Царица говоритъ мнѣ неизреченно сладкимъ гласомъ: „возьми, Пафнутій, я поручаюсь за тебя.“ Если Ты, Владычица, поручаешься (я узналъ въ Царицѣ Пресвятую Дѣву), то я на все готовъ; буди воля Твоя! Съ сими словами я приближаюсь къ престолу, святитель кладетъ мнѣ на руки Еван-

геліе; и я пробуждаюсь. Въ эту минуту меня зовутъ къ Екклесіарху, и онъ говоритъ мнѣ, что Высокопреосвященный Евгеній приказалъ мнѣ быть готовымъ къ служенію съ нимъ въ великой церкви и рукоположенію, чего я никакъ не ожидалъ, не бывъ предваренъ заблаговременно. Рукоположеніе его совершилось 26 Декабря 1850 года.

Вскорѣ къ благому и легкому для него игу священства Высокопреосвященный Евгеній присоединилъ тяжелую обязанность духовника Лавры, поручивъ ему назидать братію словомъ и жизнію. (*) Въ то время ему не было еще сорока пяти лѣтъ, и въ возложеніи на него сей важной обязанности строгимъ и разборчивымъ Архипастыремъ видится рука Божія. Тяжко было для него, чистаго, крот-

(*) Нѣсколько времени онъ былъ еще содержателемъ книжнаго магазина Лаврскаго; но какъ это послушаніе было вовсе не по его духу и требовало не мало развлеченія, то онъ скорѣ былъ уволенъ отъ него.

каго и смиреннаго сердца, почти
время нравственныхъ болѣзней чело-
вѣческихъ, но спасительно для искав-
шихъ у него врачеванія. Преуспѣ-
вая во всѣхъ добродѣтеляхъ иночес-
кихъ, онъ, особенно храненіемъ сер-
дца и непрестанною молитвою, возвы-
силъ въ себѣ чистоту и безстрастіе до
такой степени, что для близко знав-
шихъ его казался безплотнымъ, и ни-
что чуждое не приражалось къ нему.
Отъ того, когда исполнялъ обязан-
ности Духовника, онъ невольно из-
вѣдывалъ всю глубину испорченнаго
сердца человѣческаго, *въ немъ же гады,*
и мже нѣсть числа, это познаніе пад-
шей природы нашей не возмущало
чистаго потока мыслей его, охраняе-
мыхъ благодатію, а только сокрушало
его часто до изнеможенія. Во дни по-
ста, послѣ исповѣди многочислен-
ныхъ поклонниковъ, притекавшихъ къ
нему, можно было видѣть его въ скор-
би и сокрушеніи духа невыразимыхъ.
Его младенческая душа, пораженная

мрачною картиною многообразныхъ страстей человѣческихъ, болѣла и не скоро находила успокоеніе. Онъ сокрушался при мысли о томъ, какое оскорбленіе величія и благодати Божіей причиняется беззаконіями человѣческими. „О бѣдные, бѣдные человѣки!— говаривалъ онъ. Если бы они вѣдали, какъ оскорбляется грѣхомъ милосердіе и величіе Божіе! Если бы они вѣдали, какія блага мѣняютъ они на каль грѣховный! Лучше бы пожелали не родиться, а изгнать въ утробѣ матери!“ Съ живымъ участіемъ и истинно отеческою любовію выслушивалъ онъ кающихся и воистину могъ сказать съ Іовомъ: *азѣ а еякоже немощнымъ восплакахся!* Никакаго грѣхопаденія не приписывалъ онъ злобѣ человѣческой и обдуманному намѣренію согрѣшить, а поконному врагу спасенія нашего: „Онъ, яко левъ рыкая, ищетъ кого поглотити,— говорилъ онъ; а бѣдные человѣки не вѣдаютъ того, не видятъ его козней, пре-

даются его власти, потому что удаляются от Бога, не слушая Его святыхъ заповѣдей и ученію Церкви не внимая. Вотъ гдѣ начало грѣха, и за что судимы будутъ всѣ! Грѣхъ самъ по себѣ мерзокъ такъ, что человѣки его любить и съ намѣреніемъ творить не могутъ; но удалившись отъ Бога небреженіемъ, человѣкъ попадаетъ къ когти діавола, а діаволь уже играетъ имъ какъ мячикомъ,— и не радъ бы творить, да творить. Потому-то всякому хотящему опастися надо всѣмъ сердцемъ въискать Господа; а въискать Его можно только прилежнымъ и докучнымъ къ нему моленіемъ. Ты только молись, проси отъ всей души Господа, чтобы Онъ не оставилъ тебя, а Онъ вразумить, наставить и отъ грѣха сохранить тебя; а самъ по себѣ ничего не сдѣлаешь: безъ Бога ни до порога.“

Въ 1838 году возжелалъ онъ облещись въ схиму и подалъ о семъ прошеніе въ Духовный Соборъ Лавры

слѣдующаго содержанія: „Истинныя отцы мои! Желаю великаго ангельскаго схимническаго образа на себя пріятія: то будетъ ли ваше на мнѣ недостойнѣмъ благословеніе въ ономъ? Вѣрую несомнѣнно, что при вашемъ присутствіи Сама Богомати, Госпожа сей обители святой невидимо со всѣми вами распоряжаетъ; потому и вдаюся въ нашъ преподобный приказъ и отказъ на мое желаніе, да обое сіе вмѣню за свято; и помолитесь о мнѣ грѣшнѣмъ, да не на позоръ Ангеломъ и человѣкомъ будутъ вторичные обѣты и вѣщескіе. Итакъ, поручивъ себя вашему монашескому разсмотрѣнію, ожидаю отъ васъ, яко отъ руки Владычицы нашей нечерской съ ея чудотворцами, отеческаго рѣшенія.“ Духовникъ Іеромонахъ Пафнутій. Какъ не было дотолъ примѣра, чтобы кто либо въ Лаврѣ въ такіа, еще непреклонныя, лѣта принималъ на себя великій подвижъ схимонашества, и притомъ въ послѣднее передъ симъ время

вовсе оскудѣли въ Лаврѣ старцы , подвизавшіеся въ схимѣ , и не было уже ни одного схимника : то онъ сомнѣвался въ соизволеніи на сіе начальства , а потому смущался духомъ . Однажды , занятый сею мыслію въ саду , прилежащемъ къ его кельи , онъ задремалъ , и видитъ , будто идетъ святитель въ полномъ облаченіи , и приблизясь къ нему , говоритъ : „Панфутій , не сомнѣвайся ; желаніе твое исполнится .“ — Кто же ты , Архіерей Божій ? — спрашиваетъ онъ въ недоумѣніи . „Я Пареній , епископъ Лампсакійскій .“ При семъ онъ пробуждается и сомнѣніе уступаетъ мѣсто упованію . Такъ съ самаго начала и во всю его жизнь всякая сколько нибудь значительная перемѣна въ его положеніи совершалась всегда по особенному , ясному указанію промысла Божія , каковое предварительно получалъ онъ свыше .

Вскорѣ Высокопреосвященный Филаретъ , прибывши на Кіевскую

паству, разсмотрѣвъ его прошеніе, и по бесѣдѣ съ нимъ уразумѣвъ духомъ благодать, сущую въ немъ, самъ облекъ его въ схиму 1 Іюня 1838 года въ пещерахъ Преподобнаго Антонія и наименовалъ Пароеніемъ, на 46 году отъ рожденія. Съ того времени и доселѣ никогда не оскудѣваютъ въ св. Лавръ старцы, подвизающіеся въ схимѣ, и всегда бываетъ оныхъ до семи и болѣе.

Съ воепріятіемъ сего великаго образа, онъ съ горячимъ усердіемъ и какъ бы вновь возложилъ руку на радо, не озираясь вспять. Приобрѣтеніе истиннаго молитвеннаго духа составляло главнѣйшій его подвигъ, и онъ стяжалъ сей благодатный духъ въ высшей степени. Молитва, по словамъ его, обратилась для него въ такую потребность, какъ пища или питіе, или же сдѣлалась у него, по его же выраженію, какъ бы болячкою, вросшею въ сердце. Она сама собою, при внѣшнихъ даже развлеченіяхъ и

даже во снѣ , въ немъ дѣйствовала . Онъ самъ видѣлъ однажды , въ полу-сонномъ видѣніи , свое сердце , облитое пламенемъ . Это символъ непрестанной молитвы , въ которой сердце его возносилось постоянно горѣ — къ Богу . Молитвенная бесѣда съ Богомъ была для него предвкушеніемъ блаженства небеснаго . Вотъ что говорить онъ самъ о правилѣ своемъ келейномъ : „Благоволеніемъ безначальнаго Отца , содѣйствіемъ предвѣчнаго Сына и наитіемъ пресвятаго Духа ; правило мое келейное снце : Евангеліе книжно чту въ вечеръ , заутра и полудне , по единому Евангелисту . Отъ полудне начинаю и всалтирь воспѣвати съ Богомъ изустно , и въ сутки весь оканчиваю . Ко сну отходя чту акаѣистъ Богоматери , съ поклоненіемъ страстемъ Господнимъ (св. Дмитрія Ростовскаго) и вечерними молитвами . Отъ сна воставъ чту акаѣистъ Спасителю съ утренними молитвами и яже ко причащенію , — вся сія изустно .

Обрадованіе съ молитвою Богородиць (Богородице Дѣво радуйся) чту трижды сторицею; триста молитвъ: за имя Божіе во единиць трипостасное три краты; за Евангелистовъ, на нихъ же почилъ Христось, яко на колесницѣ умной— трижды четверицею; за язвы Христовы пятчисленные— трижды пятерицею; за скорбь Богоматери, юже претерпѣ седмистрѣльно— трижды семерицею; за странствіе Христово на земли, иже пожилъ съ человекѣи тридесять три лѣта,— трижды тридесятицею; за пятидесятницу въ ожиданіи Духа Божественнаго— трижды пятидесятицею. Паче меда и сота сія молитва мнѣ пріятна; она мнѣ охотна, помогательна, спасительна и враговъ отгнательна. Я на Богоматерь тако надѣюсь, яко на гору каменную; понеже я Богомъ о Ней тако увѣренъ, что отъ Адама и до скончанія вѣка не будетъ тѣхъ людей лишенныхъ вѣчной славы наслажденія, кои по Бозѣ на Нее уповали

и надѣялись частымъ своимъ воплемъ и докучаніемъ къ ней, хотя бы и мнѣ изъ нихъ кто подобенъ былъ грѣшникъ и беззаконникъ. Ей вся предана отъ Сына Ея; Она же милосерда и чело-вѣколюбива и незлобива. Ея ради и меня прелюбезный мой Иисусъ Хри-стосъ приметъ въ свои обители вѣч-ныя, за изліянную свою кровь. Ахмь! Будетъ ли тако?... Ей будетъ по сердцу моему !“

Онъ питалъ особенную, чрезвычай-ную, самую умиленную и можно сказать нѣжную, дѣтскую любовь и преданность къ пресвятой Матери Бо-жіей и не находилъ довольно словъ, чтобы выразить и Ея любовь къ лю-дямъ и свою къ ней. Тоже внушалъ онъ и всѣмъ просившимъ у него на-ставленій, особенно ученикамъ сво-имъ—монахамъ. Муро изліянное бы-ло для него имя Ея. „Иисусе и Маріе, Вы бо радости моя!—повторялъ онъ часто во святомъ упоеніи благодат-

ной любви къ сладчайшему Спасителю и преблагословенной Матери Его. Къ чтенію псалтири онъ прибавлялъ между всѣми канонами и славами Архангельское привѣтствіе Богородицѣ, и отъ полноты души составлялъ молитвенныя къ ней воззванія, исполненныя любви и упованія. „Возлюбленная Богу Отцу дочь, безмужная Емануила Мати, кристалловидная Параклита невѣсто, и вмѣстилище воякія святыни, радоватися Тебѣ о Господѣ! О святогласная горлице, вышшая небесъ Владычице и чистшая свѣтлостей солнечныхъ, бѣлолилейный Творца ковчеже, молніелучный Христа сосуде; орошенная Духомъ росоноснымъ и воспитанная отъ Ангела манною, получившая благодать свѣще и превосходящая всѣхъ тварей, дражайшая моя покровительница, умиласердися надо мною бѣднымъ инокомъ! Недомыслимаго Слова престоле, и неизслѣдимаго Жениха чертоже, благородное гнѣздо орла небес-

наго и зеркало Христовымъ тайнствамъ, красото безплотнымъ Ангеломъ и похвало Божиимъ угодникомъ, желанная моя защитница и помогательница, не отринь просьбы моей въ крайней нуждѣ! Нетлѣнная родительнице Владычня и браку— непричастная и венскусомужная Царице, несгараемая свѣще мірови и слѣпотствующимъ свѣтящая, всепѣтая Мати утѣшительница и спасительница, спаси мене отъ неприязни въ пагубной сей суетѣ! Архангельскій Гавриіловъ гласъ вопію Ти, увѣчанная Троицею, пронареченная отроковице, между же Богомъ и людьми посредницею обрѣтаешися, царюющая радуйся, съ Тобою Господь, и торжествуй, сподобившаяся быти матерію Владыки Мессіи. Общій Ангеле нашъ еси, Дѣво, и скоропослушная въ призываніи. Полезному же прошенію помощи можеша,— поручница ми и житія исправительница буди. Не хочу болѣе ничего, ниже дневнаго пропитанія, а единого точію желаю:

даждь ми возлюбити всѣмъ сердцемъ Сына твоего Господа и Бога нашего Иисуса Христа, и твоимъ матернимъ ходатайствомъ получить наслѣдіе жизни вѣчной, стяжанной намъ честною кровію Его.“

Любимымъ праздникомъ его былъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы: „Буди благословенъ и преблагословенъ день Благовѣщенія Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы!— писалъ онъ однажды въ этотъ день къ одной любимой имъ особѣ.— Днесь благовѣствуетъ земля радость велию, и повѣдаютъ небеса славу Божию. Буди намъ всѣмъ сіе торжество на вѣки вѣчные утѣшеніемъ въ райскихъ селеніяхъ! Буди намъ въ помощь и покровъ, съ упованіемъ на неомыслимую надежду Пренепорочную Богоматерь, общую Госпожу, душелюбную правительницу иноковъ и всея вселенныя хранительницу!“

Не разъ сподоблялся онъ блаженнаго видѣнія Препоблагословенной Дѣвы.

Такъ однажды, размышляя съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ о читанномъ имъ гдѣ-то, что пресвятая Дѣва была первою инокинею на землѣ, онъ задремалъ, и видитъ отъ святыхъ вратъ Лавры идущую, въ сопровожденіи многочисленнаго сонма иноковъ, величественную монахиню въ мантии, съ жезломъ въ рукахъ. Приблизившись къ нему, Она сказала: „Паресній, я монахиня!“ Онъ пробудился, и съ той поры съ сердечнымъ убѣжденіемъ именовалъ Пресвятую Богородицу пещеро-лаврскою Игуменьею. Подъ внѣшнимъ образомъ монашества старецъ конечно разумѣлъ монашество внутреннее, дѣвственную, молитвенную, смиренную жизнь Пренепорочной Дѣвы, которой Она поистиннѣ была первообразомъ на землѣ. Однажды послѣ всеобщаго молитвеннаго бдѣнія, забывшись тонкимъ сномъ, онъ видитъ келью свою наполненную множествомъ звѣрообразныхъ чудовищъ, устремляющихся на него съ яростію.

Въ ужасѣ оный возопилъ: „Пресвятая Владычице моя Богородице!“ При семъ воззваніи дивный свѣтъ осіялъ келью, и Преблагословенная Дѣва, въ сопровожденіи Архангела Михаила, предстала въ неизреченной славі; страшилища исчезли, какъ дымъ, а оный, пробудившись, въ радостномъ трепетѣ видѣлъ уже недремлющимъ окомъ сіяніе на мѣстѣ, гдѣ стояла Пречистая. По принятіи схимы, нѣсколько лѣтъ провелъ оный въ тѣсной келейкѣ, очень похожей на пещеру, единственное окно которой заградилъ иконою Пресвятой Богородицы, озаренной тусклымъ сіяніемъ неугасяемой лампы. „На что мнѣ свѣтъ чувствennyй, — говорилъ оный; Она, Пречистая, свѣтъ очей и души моея.“ Эта икона была во всю дальнѣйшую жизнь его постоянною свидѣтельницею его молитвенныхъ воздыханій до самой кончины. Молясь однажды предъ нею, да повѣдаетъ ему Владычица, что есть принятое имъ на себя схимничество,

онъ услышалъ отъ нея гласъ: „Схи-
ничество есть — посвятить себя на
молитву за весь міръ.“

Прежде чѣмъ услышалъ онъ сіе ис-
толкованіе отъ небесной наставницы,
онъ обращался съ симъ вопросомъ къ
Архіепископу Воронежскому Анто-
нію, бывшему Намѣстникомъ Лавры
и принимавшему такое живое участіе
въ его новоначальныхъ подвигахъ, и
получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:
„Преподобный отецъ Пареній! Вы
желаете знать, что такое схи-
ма есть неизмѣримая высота и глубина
христіанскаго смиренія, основаннаго
на сихъ Христа Господа Спасителя
нашего словахъ: *Научитесь отъ
Мене, яко протокъ есмь и смиренъ
сердцемъ, и обрящете покой душамъ
вашимъ.* Въ сихъ словахъ все таин-
ство спасенія нашего заключается. Вы
также спрашиваете: гдѣ вамъ полез-
нѣе жить, въ Лаврѣ или въ Голосѣ-
вѣ? Вамъ Богъ послалъ великаго Ар-

хнастыря, отличающагося, сверхъ прочиѣ Духа Святаго даровъ, боголюбезнымъ смиренномудріемъ. Его святымъ приѣзромъ и наставленіемъ руководствуйтесь. Какое мѣсто къ прожитію и послушанію назначить вамъ: тамъ и пребывайте. Сему свѣтильнику имѣю сильное стремленіе и я грубую выю свою подклонить въ послушаніе, но по недостойнству своему лишень сего дара. Усерднѣйше прошу васъ предъ святыми угодиниками помолиться о моемъ недостойнствѣ. Сильный въ крѣпости Господь да поможетъ вамъ во спасеніи. Вашъ усердный слуга и богомолецъ Антоній, Арх. Воронежскій.“ Нужно ли было напоминать старцу объ обращеніи къ своему Архипастырю, котораго любилъ и чтилъ онъ безпредѣльно? Конечно нѣтъ! Не недостатокъ довѣрія побудилъ его обратиться съ прошеніемъ совѣта у другаго Архипастыря: но онъ имѣлъ такую любовь и приверженность ко святой Кіево-пе-

черской Лавръ, и къ пренедобнымъ Отцамъ Печерскимъ, что боялся и на короткое время отлучиться отъ сая обители, а къ своему Архипастырю, котораго былъ духовникомъ, имѣлъ оны совершенную покорность. Не только воля его, но и каждое слово его, каждое о чемъ либо мнѣніе было закономъ для благоговѣшаго предъ нимъ старца. Его тревожила нѣсколько времени мысль, что онъ далекъ отъ пути истинныхъ подвижниковъ, потому что не испыталъ гоненій отъ челоуѣковъ въ продолженіе всей своей жизни въ Лаврѣ. Но Высокопреосвященный успокоилъ его симъ словомъ: „На что тебѣ гоненіе? Ты самъ себя гонишь; кто нынѣ пожелаетъ жить твоею жизнію?“ После сего душа старца умиротворилась. Но да не подумаетъ кто, что онъ же прошелъ чрезъ горнило искушеній, очищающихъ яко злато души подвижниковъ. Если злоба челоуѣческая, обезоруженная его незлобіемъ и кротостію, мимоходила его, то не дре-

мала древняя злоба, искони борющаяся съ работающими Господеви со страхомъ. Вотъ что пишетъ онъ о семъ самъ: „Какое же отъ бѣсовъ нападеніе терплю я за мое правило келейное уже двадцать лѣтъ, то еще не бы со мною присутствовала сила Божія помогающая, давно бы мнѣ надлежало во гробъ вселиться отъ тако-го мученія несказаннаго и человѣкомъ неисповѣдимаго. Но слава Богу о всемъ!“

Уединеніе и безмолвіе были его стихіею, внѣ которой ему, по собственному его выраженію, тяжело было дышать, какъ рыбѣ внѣ воды. И что могло отвлекать его отъ любви Божія? Взыскавъ отъ юности единаго на потребу, ни къ чему земному не прилагалъ онъ сердца, никогда не искалъ чести, не постигая, на что она нужна человѣку. Чуждый малѣйшаго пристрастія къ стяжанію, всякую вещь, кромѣ самой необходимой, онъ считалъ соромъ, который спѣшилъ выкинуть за порогъ, если не на-

ходилъ кому отдать ее поскорѣе. Случалось, что онъ связывалъ безъ разбора въ одинъ узелъ дорогія чашки, подсвѣчники, хрусталь, бѣлье, принесенныя ему усердствующими и принятые, чтобы не огорчить приносителя, и выносили этотъ узелъ изъ кельи, клалъ на дорогъ и радовался какъ младенецъ, когда онъ былъ скоро взятъ. И дорогія вещи не имѣли для него никакой цѣны. Однажды графиня Ан. Ал. Орлова прислала ему столовые часы. Нѣсколько времени терпѣлъ онъ ихъ у себя, любви ради своей къ графинѣ, потомъ отослалъ ихъ къ одной изъ своихъ духовныхъ дочерей при слѣдующей запискѣ: „Посылаю тебѣ часы и дарю ихъ тебѣ; я никакъ съ ними не умирюсь.“ Денегъ онъ никогда не имѣлъ. Если по неотступному убѣжденію преданныхъ ему и принималъ отъ нихъ ихъ усердныя приношенія, то немедленно раздавалъ ихъ нищимъ, или кому либо изъ нуждающихся. Никогда убогій не отходилъ отъ него съ

пустыми руками; онъ всегда находилъ что-нибудь дать ему, хотя и имѣлъ только самое необходимое. Однажды прислалъ ему кто-то кусокъ хорошей матеріи. Не имѣвъ что подать пришедшимъ къ нему по обычаю нищимъ, онъ разрѣзалъ матерію на нѣсколько частей и раздалъ. А будучи человѣкомъ обыкновеннымъ онъ могъ бы обогатиться, при чрезвычайной преданности къ нему многихъ богатыхъ особъ, и въ особенности блаженной памяти графини Анны Алексѣевны Орловой, этой незабвенной любительницы и благодѣтельницы монашества. Она питала къ нему безпредѣльную преданность, и, по слову его, готова была на всѣ возможныя пожертвованія. Однажды, во время пребыванія своего въ Кіевѣ, она, растроганная его глубоко-назидательною духовною бесѣдою, преклонивъ предъ нимъ колѣна, говорила ему: „Отецъ мой, скажи мнѣ, чѣмъ могу я тебя утѣшить? Я не пожалѣю для тебя и мил-

ліона.“ „Вотъ нашла чѣмъ утѣшить!—
отвѣчалъ онъ,— на что мнѣ этотъ на-
возъ? Единое мнѣ утѣшеніе: не мѣ-
шай мнѣ никто пребывать съ Богомъ
и со всеутѣхою моею Пресвятою Бого-
родицею!“ Завѣщанное ему по духов-
ной Графини пятнадцать тысячъ руб-
лей серебромъ онъ отдалъ не медля въ
Духовный Соборъ Лавры для препита-
нія странныхъ въ гостинницѣ, что и
исполняется доселѣ свято .

Со времени принятія схимы, въ про-
долженіе семнадцати лѣтъ, онъ еже-
дневно совершалъ Божественную Ли-
тургію въ домовой церкви при покояхъ
Высокопреосвященнаго. Это священ-
нодѣйствіе было величайшимъ и един-
ственнымъ наслажденіемъ его чистой
души. Жажда непрерывно этаго насла-
жденія, онъ испросилъ у Архипастыря
благословеніе и въ Четырнадцатницу,
сверхъ среды и пятка, въ прочіе дни
недѣльные, когда положены только
часы, совершать также преждеосвя-

щенную Литургію, по уставу великой лаврской церкви. И сколькихъ благодатныхъ видѣній сподоблялся онъ, — вѣдаетъ единъ Господь, утѣшеніями, недовѣдомыми міру, утѣшавшій раба своего за презрѣніе благъ земныхъ, которыя вмѣнялъ отъ юности уметы быти Его ради! Такъ однажды, во время пѣсни Херувимской, когда молился онъ предъ престоломъ, по обычаю, съ воздѣтыми руками, видѣлъ онъ аккыбы небо отверсто, Господа Иисуса Христа нисходяща на святой престолъ, Бога Отца благословляющаго Его снисхождение и Бога Духа Святаго парящаго надъ нимъ. Видѣніе это было мгновенно. „1845 года Ноября 13-го дня, пишетъ онъ въ своихъ келейныхъ запискахъ, видѣхъ Златоуста со Архистратигомъ, прпшедшихъ ко мнѣ на помощь, и кону содѣяхъ на память.“ Однажды, въ благоговѣйномъ чувствѣ пламенной любви Божіей, онъ долго повторялъ въ себѣ молитву: „Иисусе, живи во мнѣ, и мнѣ

даждь въ Тебѣ жити,“ — и услышалъ тихій и сладкій гласъ: „Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азь въ немъ.“ Часто въ какомъ либо смущеніи духа онъ былъ укрѣпляетъ благодатными сновидѣніями. Такъ, обуреваемый нѣкогда духомъ унынія, котораго разжиганы стрѣлы знакомы всѣмъ подвижникамъ благочестія, — онъ видитъ себя въ небольшой ладѣ плывущаго по быстрой рѣкѣ. Ангель хранитель стоялъ за его плечами, а св. Іоаннъ Предтеча правилъ ладьей. Сильно бушевалъ вѣтеръ и заливалъ волнами ладью... Вотъ она близка къ погруженію.... Въ испугъ онъ хватается за край. Ангель хранитель, удерживая руку его, говоритъ: „Не бойся, доведемъ!“ Онъ пробудился, и духъ унынія отступилъ отъ него. Онъ любилъ размышлять о великомъ таинствѣ воплощенія Господня. Однажды, на канунъ новаго года, послѣ всеобщаго бдѣнія, повторяя церковную пѣснь: „Схо-

днй Спасъ къ роду человѣческому прі-
ять пеленами повитіе, “— онъ углу-
бился въ благоговѣйное созерцаніе
духомъ младенчества Богочеловѣка,
умиляясь при мысли, каковъ должен-
ствовалъ быть этотъ Младенецъ, осми-
дневный по матери и безначальный по
Отцу, краснѣйшій добротою паче
сыновъ человѣческихъ. Въ семь свя-
щенномъ богомыслии внезапно погру-
зился онъ въ тонкій сонъ, и вотъ ви-
дитъ двухъ Ангеловъ, летящихъ отъ
востока съ младенцемъ на рукахъ.
Низпустившись долу, они приблизи-
лись и положили его подлѣ изумлен-
наго старца. „Языкъ человѣческій,
говорилъ онъ, не можетъ изобразить
красоты этаго дивнаго Младенца. Онъ
смотрѣлъ на меня съ любовію, отъ ко-
торой разгоралось сердце мое. Не знаю,
долго ли длилось это радостное видѣніе.
Ангелы взяли его, и на мое моленіе по-
медлить еще — отвѣчали: мать бу-
детъ скучать, и улетѣли, а я, пробу-
дившись, былъ внѣ себя отъ радости,

и весь день не могъ ни чѣмъ заняться, ни помыслить о чемъ, кромѣ этаго чуднаго Младенца.“ Одна изъ особенно любимыхъ имъ пѣсней церковныхъ была пѣснь благовѣщенская: „Архангельскій гласъ вопіемъ Ти, Чистая“... Однажды во снѣ слышалъ онъ не земное пѣніе этой пѣсни. столь неизреченно сладкое, что немедленно проснулся со слезами умиленія и радости, и всегда воспоминалъ объ этомъ съ чувствомъ живѣйшаго наслажденія отъ сего пѣнія.

Весну и лѣто проводилъ онъ обыкновенно въ Годосѣевой пустыни, отправляясь туда вмѣстѣ съ Архипастыремъ и съ нимъ же потомъ возвращаясь на праздники въ Лавру. Тамъ, въ самомъ уединенномъ углу пустыни, среди глубокой чащи сада, была его келья. По совершеніи ранней Литургіи въ домовой церкви Архипастыря, онъ удалялся въ дѣсь, и тамъ, единъ съ Единымъ, совершалъ въ проходкѣ свое

молитвенное правило, прочитывая дорогою всю Псалтирь. „Здѣсь носится духъ преподобныхъ Отець нашихъ Печерскихъ, говариваль онъ; и если есть на землѣ утѣшеніе и радость, то это въ пустынномъ безмолвіи. Люди отлучаютъ насъ отъ Бога, а пустыня приближаетъ къ Нему.“ Только въ послѣдніе годы, когда силы его ослабли, онъ не могъ уже по прежнему совершать своихъ проходовъ по пустынному лѣсу, но сперва сокращалъ ихъ постепенно, а потомъ совсѣмъ прекратилъ. Любя безмолвіе и скучая посетителями, которые, особенно лѣтомъ, когда стекается въ Лавру множество богомольцевъ, жаждали его наставленій и желали его имѣть духовнымъ отцемъ своимъ, онъ не разъ порывался совсѣмъ затвориться и не принимать ни кого на исповѣдь. Но слезы тѣхъ, для которыхъ назиданіе его было необходимо на пути спасенія, удерживали его отъ исполненія сего намѣренія, и конечно, по волѣ

Того, который чрезъ Апостола своего заповѣдалъ намъ искать не своихъ си, но яже суть къ созиданію ближняго. И дѣйствительно, рѣшившись однажды не принимать болѣе посѣтителей, и отказаться даже отъ исповѣди прежнихъ дѣтей своихъ, онъ нѣсколько времени никому не отворялъ дверей своей кельи, и можно было видѣть его только въ церкви на Богослуженіи. Но вотъ видитъ онъ во снѣ, будто напалъ на него какой-то страшный звѣрь и былъ готовъ уже разтерзать его. Вдругъ сбѣгаются къ нему духовныя его дѣти съ палками въ рукахъ и прогоняютъ звѣря. Этотъ сонъ убѣдилъ его, что Господу угодно, дабы онъ еще послужилъ ближнимъ своимъ, и въ содѣйствіи ихъ спасенію искалъ и обрѣталъ спасеніе собственной своей души. Не однимъ покоемъ своего духа жертвовалъ онъ пользѣ ближняго, принимая ежедневно приходящихъ къ нему; онъ отдавалъ имъ драгоцѣнное для него вре-

ня — съ благостию и терпѣніемъ, которыя могли цѣнить только знавшіе его внутреннюю жизнь. Въ продолженіе двадцати лѣтъ не было дня, въ который не совершилъ бы онъ своего обычнаго молитвеннаго правила. Каждый день былъ отчасти похищаемъ у него посетителями: онъ восполнялъ утраченное ночью, такъ что иногда и часа не оставалось на упокоеніе его немощной плоти. Силы его постепенно ослабѣвали; тихо, какъ лампада догарала онъ и съ удивительнымъ спокойствіемъ и радостію видѣлъ приближеніе давно желаннаго имъ дня своего разрѣшенія. Такъ писалъ онъ еще за нѣсколько лѣтъ до своей кончины: „Охна! возвращающемуся мнѣ отъ земнаго, бѣдственнаго, много-плачевнаго, скучнаго, прискорбнаго и болѣзненнаго странничества въ небесное, любимое, блаженное, покойное, всевеселящее, немерцающее, безсмертное, некончаемое, вѣчное и неизреченное отечество, яже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и

на сердце человека не взыде, аже уготова Господь любящимъ Его! Увы! Давно сего желяхъ и омидахъ. Проводятою же мню будетъ мнѣ тогда Дѣва Богоматерь, несомнѣнная моя надежда. Оле! азъ недостойный Ей себя вручихъ въ жизни сей маловременной, зная вѣрно, что Ей вся возможна, аще восхощеть, — Она же и милосерда и непамятозлюбива; потому то я на Нее и надѣюсь крѣпко, что Она не оставитъ меня и доведетъ къ Сыну своему поклонитися прелюбезному моему Иисусу Христу, Творцу и Судии, Владыцѣ и Спасу, Избавителю и Живодавцу, Искупителю и Промыслителю, Господу и Богу Слову Еммануилу. Азъ воистинну познахъ себе окаяниѣйша паче всѣхъ человекъ, на земли живущихъ и сквернѣйша скотовъ и звѣрей и всякой гадины; но вѣрно, что милость Божия и кровь излиянная Спасителя моего за мя все оное непотребное преодолѣть, побѣдить, покрыть, и не помянется кому ничтоже противное. Сіе утѣ-

пашеть мою душу. По сихъ ввергаю въ
руцѣ Божіи всего себе, душу и тѣло,
кости и кожу, жилы и члены и вся со-
ставы, зрѣніе и помышленіе, дыханіе
и движеніе, и правило мое недостойное
железное молитвенное, о коемъ азъ тру-
дихся собирая, яко пчела медь, двадца-
ть лѣтъ Богу поспѣшествующу. По-
стинно познахъ, яко безъ Бога ни до
порога; какъ человекъ о себѣ ни ки-
чись, не прынетъ далеко, и не будетъ
ему какъ онъ хошетъ, а какъ Богъ
благоволитъ. Потому-то и слава Богу
за вся. Такъ же вручаюсь въ покровъ
и подъ защиту Пречистой Богородицы,
съ Ея рабами, въ пещерахъ нетлѣнно
почивающими святыми нашими Отца-
ми, да не убоюся зла и не постыжуся
во вѣки, воспѣваючи: аллилуія. О,
хорошо съ Богомъ пребывать! Иеро-
схимонахъ Пароеній.

Давно уготованный имъ для себя
гробъ былъ неразлучнымъ его желе-
знымъ сотоварищемъ. Сидя подлѣ него,

какъ сладко говорилъ онъ о суетности жизни, о неизбѣжности смерти, о томъ, какъ душа, излетѣвъ изъ тѣла, просіяетъ какъ солнце, и будетъ смотрѣть съ удивленіемъ на оставленную ею смрадную темницу, которую такъ любила и лѣляла въ жизни! Простая, безыскусственная рѣчь его была водою живою, которая напаяла, укрѣпляла и врачевала душу. Когда случалось слушать его, невольно припоминались слова Спасителя: *Въруай въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки изъ чрева его истекуть воды живы*. Его нельзя было узнать въ бесѣдѣ общей со многими, или приходя къ нему съ сухимъ и недовѣрчивымъ сердцемъ. Передъ холоднымъ умомъ и онъ былъ холоденъ, и онъ казался обыкновеннымъ человѣкомъ; а передъ чувствомъ простымъ, но горячимъ и вѣрующимъ, душа его съ младенческимъ довѣріемъ изливала всѣ сокровища свои въ огненномъ словѣ. Часто онъ изумлялъ нѣкоторою прозорливостію и чрезвычайною меткостію

своихъ замѣчаній, которыя какъ-разъ приходились къ внутреннему состоянію приходившихъ къ нему для бесѣды и наставленія. Эта меткость особенно видна была при исповѣди. Самъ онъ объяснялъ сіе опытностію и встрѣчею со множествомъ однородныхъ случаевъ; но видно было нѣчто болѣе... Случалось иногда, что желавшіе видѣть его принимаемы были имъ холодно и сухо, или и совсѣмъ получали отказъ. Если это бывало не въ такую минуту, когда онъ былъ крайне слабъ и утомленъ, напр., вскорѣ послѣ служенія или въ подобное тому время: то навѣрное—желаніе видѣть его проистекало у этихъ особъ не изъ намѣренія получить назиданіе для души, а изъ простаго любопытства, или же тщеславія, а такимъ образомъ самый отказъ или холодный віеиъ былъ для нихъ урокомъ.

Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ уединенныхъ келліяхъ, расположенныхъ при ближнихъ пещерахъ и

ежедневно совершалъ литургію въ пещерномъ храмѣ преподобнаго Антонія. Велика была любовь и вѣра его къ Преподобнымъ пещерскимъ. Не имѣя уже силъ часто поклоняться нетлѣннымъ мощамъ ихъ, въ пещерахъ почивающимъ, уклоняясь при томъ и неизбѣжныхъ встрѣчъ съ многочисленными поклонниками, онъ мысленно обходилъ пещеры утро и вечеръ съ поклоненіемъ и особенною молитвою, имъ для сего составленною. Въ ней сперва призываетъ онъ по именамъ всѣхъ преподобныхъ Отцевъ, какъ въ ближнихъ, такъ и въ дальнихъ пещерахъ почивающихъ, потомъ заключаетъ ее сими словами: „и вси просіявшіе житіемъ добродѣтельнымъ въ горахъ Кіевскихъ, на пажити Богоматернѣй, поминайте мя предъ Господемъ; азъ усердно къ вамъ притекаю, скорымъ моимъ помощникомъ и молитвенникомъ. Устрашаютъ мене всего три печали вѣка сего: 1-я— что имамъ умерети; 2-я— вбо не вѣтъ когда, 3-я— гдѣ по смерти об-

рящуся, — пожалуетъ ли мнѣ Господь царства вѣнецъ, или осужденъ буду на геенскій конецъ за мои скверныя дѣла, во вся вѣки.“ На книжицѣ, въ которой написана сія молитва подписано: „Се есть злато мое— имена Отцевъ нашихъ чудотворцевъ печерскихъ, Богородицею мнѣ дарованное.“ Ночь и большую часть дня проводилъ онъ въ небольшой темной кельѣ, украшенной распятіемъ и иконою Богоматери. Здѣсь, какъ неугасаемая лампада, какъ денино-нощно теплющаяся свѣча, стоялъ онъ на молитвѣ, которая не прерывалась и въ краткомъ снѣ, или лучше сказать дремотѣ, упокоивающей его труженическую плоть. „Я, говорилъ онъ, и сквозь сонъ ощущаю, что мысль моя продолжаетъ совершать псалтирь, и при пробужденіи нахожу всегда недоконченный стихъ или молитву къ Богоматери.“ Въ этомъ жилищѣ, гдѣ ничто не говорило о землѣ и земномъ, онъ самъ казался безплотнымъ духомъ. Изможденная и истонченная плоть его

была, такъ сказать, прозрачною оболочкою его чистой, свѣтлой какъ день души. Высокое изсохшее чело, впалыя щеки и виски составляли какую то дивную противоположность съ его большими, блестящими какъ молнія глазами, которые проникали, казалось, душу до самой глубины ея, и однимъ бѣглымъ взрѣніемъ заглядывали во всѣ изгибы человеческого сердца! Но рѣдко, развѣ въ крайнемъ преогорченіи неправдою или злобою людскою, рѣзкое слово обличенія исходило изъ устъ его, и тогда онъ не взиравъ ни на какую личность, не щадилъ ни сана, ни званія; съ великимъ и сильнымъ земли говорилъ какъ съ послушникомъ монастырскимъ, какъ съ рабомъ, оскорбляющимъ величіе Божіе. Но при малѣйшемъ признакъ раскаянія или сокрушенія онъ весь измѣнялся, принималъ обычный себѣ тонъ удивительной простоты, благости и кротости, весь былъ любовь, готовая положить душу за ближняго.

Когда ослабѣвшія силы его не дозволяли ему уже выходить внѣ келлій своихъ, Высокопреосвященный Митрополитъ благословилъ быть устроенной при оныхъ церкви, въ залѣ, гдѣ дотолѣ совершалось у него вечернее и утреннее Богослуженіе. Это и было устроено у него въ нѣсколько дней усердіемъ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему духовныхъ дѣтей его (*) Храмъ освященъ былъ во имя Срѣтенія Господня въ той мысли, что старецъ, ежедневно молясь въ немъ и причащаясь пречистыхъ Таинъ Христовыхъ, имѣлъ готовиться здѣсь къ срѣтенію, и потомъ самымъ дѣломъ, въ послѣдній часъ свой, встрѣтилъ, подобно праведному Сумеону, Того, общенія съ коимъ преискреннѣйшаго во всю жизнь чаяла и жаждала душа его. Съ той поры онъ ежедневно совершалъ здѣсь Божественную Литургію, и въ самомъ крайнемъ

(*) Особенно духовной его дочери Е. Н. В-й, украсившей всю церковь иконами, собственно-ручно ею писанными, снабдившею оную ризницею собственнаго шитья и другими принадлежностями.

изнеможеніи , когда уже едва слышался голосъ его въ обыкновенной бесѣдѣ и онъ едва могъ дѣлать нѣсколько шаговъ ,— при служеніи, дивно укрѣпляемый силою свыше, онъ священнодѣйствовалъ безъ всякаго измѣненія. Служеніе его имѣло какую-то особенную благодатную силу. Нельзя было безъ глубокаго умиленія присутствовать при совершаемой имъ Литургіи. Духъ молитвы, почивающій въ немъ, переливался, казалось, и въ сердца предстоящихъ, а потому весьма многіе находили особенное утѣшеніе молиться въ его церкви и она всегда была полна молящимися. Въ голосъ его было что-то не земное, проникающее душу. Когда онъ выдетъ, бывало, изъ царскихъ вратъ въ бѣлыхъ праздничныхъ ризахъ и скажетъ: „миръ всѣмъ,“— казалось—это Ангель мира, слетѣвшій долу умиротворить обуреваемыхъ скорбями житейскими, и еще обрѣташеся ту сынъ мира, миръ его почивалъ на немъ. Или когда рука его возлагалась

на главу кого либо изъ преданныхъ ему съ его любимымъ глаголомъ : „Духъ Святой найдетъ на тя , и сила Вышняго осянеть тя ,“ то нельзя было не ощущать при семъ нѣкоего особеннаго , благодатнаго утѣшенія и оживленія духовнаго .

Выше всѣхъ благодѣяній считалъ онъ устроение храма при келліи своей и до конца дней не преставаъ благодарить за сіе Высокопреосвященнаго отъ всей глубины признательной души. „Чѣмъ воздать мнѣ Владыкѣ моему за милость имъ мнѣ сотворенную?— говорилъ онъ часто со слезами , по совершеніи Литургіи. Чѣмъ мнѣ воздать ему за любовь его?“ И точно, велика была къ старцу любовь Святителя , но безпредѣльна и преданность старца къ Святителю , и этотъ духовный союзъ , только на время прерванный смертію послѣдняго , составлялъ для обоихъ утѣшеніе въ ихъ подвижническомъ странствіи въ житіи семъ . Душа Архипа-

стыря, утомленная многотрудными занятіями своего сана, отдыхала въ бесѣдѣ просвѣщеннаго духомъ, но младенствующаго понятіями о всемъ земномъ старца, а душа старца съ безусловнымъ довѣріемъ опиралась о мудрость Архипастыря.

За годъ до кончины не могъ онъ уже совершать литургію, но всегда присутствовалъ въ олтарѣ при ея совершеніи и ежедневно причащался Святыхъ Таинъ. Изнемогая съ каждымъ днемъ, — съ какимъ благодушнымъ терпѣніемъ переносилъ онъ тяжкій недугъ свой! Удушающій кашель не давалъ ему покоя; изсохшія кости его бо-дѣли: но онъ по прежнему восклонялъ ихъ на узкую и жесткую лавку, презирая тѣніе внѣшняго человѣка, да болѣе и болѣе обновляется внутренній. Онъ воздавалъ большее благодареніе Богу за болѣзнь свою, чѣмъ люди обыкновенные воздаютъ за водвѣщенное всѣмъ здоровье. .. Что воздамъ Госпо-

деви за то, что Онъ, сверхъ всѣхъ своихъ благихъ, посѣтилъ меня еще и болѣзнію!“ часто говорилъ онъ. Въ продолженіи этого года онъ принималъ только немногихъ изъ близкихъ ему духовныхъ чадъ своихъ. Постоянная беседа его съ ними была о смерти, о будущемъ судѣ, о близкой кончинѣ своей и о несомнѣнномъ упованіи своемъ на Пресвятую Владычицу Богородицу. „Она доведетъ меня, говорилъ онъ, поклонитися Сыну своему!“ Въ этихъ словахъ было столько вдохновеннаго убѣжденія, что нельзя было сомнѣваться въ ихъ непреложной истинѣ.

Съ приближеніемъ весны 1855 года старецъ видимо сталъ таять какъ снѣгъ; дыханіе его болѣе и болѣе стѣснялось и кашель усиливался. На третьей недѣли поста, Февраля 25 го, по желанію его, совершенно надъ нимъ Елеосвященіе, и онъ ясно предчувствовалъ уже и говорилъ, что со дня на день, и даже съ часу на часъ долженъ

ожидать своего отшествія . Но вотъ и приблизился этотъ давно желанный имъ день его отшествія, — и какой день? Чудный и рѣдкій въ кругу дней, озаряемыхъ солнцемъ, — день сочетанія двухъ величайшихъ таинствъ нашего спасенія: радостный праздникъ Благовѣщенія — въ великій Пятокъ Страстныхъ Седмицы! Ежедневно, въ продолженіи двадцати лѣтъ, совершалъ онъ поклоненіе страстямъ Христовымъ; ежедневно триста кратъ приносилъ онъ пресвятой Дѣвѣ Архангельское привѣтствіе: и вотъ, распятый Искупитель, которому сраспинался онъ въ продолженіе цѣлой жизни, и Преблагословенная Дѣва — его любовь, его радость, его упованіе, воззвали вкупѣ вѣрнаго раба своего изъ юдоли плача въ радость нескончаемую! Въ великую Среду посвятилъ старца Высокопреосвященный Митрополитъ, и по довольно долгой бесѣдѣ оба старца простились съ особеннымъ глубокимъ чувствомъ умиленія, предвидя

ясно, что уже не увидать другъ друга въ здѣшней жизни. Въ великій Четвертокъ, въ келейной церкви его, совершалась ранняя Литургія, въ продолженіи которой онъ стоялъ въ мантии въ темненькой своей кельи. Тяжкая скорбь угнѣтала души бывшихъ при семъ нѣкоторыхъ ближайшихъ духовныхъ дѣтей его. Имъ чувствовалось, что эта послѣдняя великая Вечеря Господня съ учениками была послѣдняя и для него. Его неземной видъ, его полуотрѣшенная отъ земли плоть говорили безъ словъ слово Господне: *ктому не имамъ пити отъ плода лознаго до дне того, егда е пю ново во царствіи Божіи* (Марк. 14, 25). Онъ не входилъ въ олтарь, а божественныя Тайны принесены были къ нему. По окончаніи Литургіи довольно долго бесѣдовалъ онъ съ приближеннѣйшими дѣтьми своими и передавалъ имъ послѣднія наставленія, а равно и нѣкоторыя духовныя желанія и распоряженія свои. Вся бесѣда его имѣла

печать послѣдней бесѣды. „Скоро, скоро я отойду, сказалъ онъ. Вчера я не могъ уже совершить всей псалтири, а только половину.“ Неужели вы до вчерашняго дня совершали все свое обычное правило, батюшка?— „Да, Господь помогаль; я вѣдь теперь умственно совершаю; устами не могу; дышать нечѣмъ; а вчера и умственно не могъ довершить; память отнимается. Только Иисусову молитву и обрадованіе Богородицѣ держу непрестанно.“ Послѣ поздней Литургіи собрались къ нему, по предварительному приглашенію его самаго, всѣ духовные дѣти его— Архимандриты и нѣкоторые изъ Іеромонаховъ Лавры, кои всѣмъ былъ онъ воспріемнымъ отцемъ по монашеству. Нѣсколько минутъ бесѣдовалъ онъ со всѣми, потомъ отпустилъ, простившись съ каждымъ, каждому сказалъ нѣсколько словъ въ послѣднее назиданіе и каждаго благословилъ— кого иконою, кого евангеліемъ или другою священною

вещію, прося молитвъ о себѣ по своему отшествіи. „Отецъ мой, сказала одна изъ дочерей его, общайте мнѣ молить за меня тамъ Господа, чтобы онъ не отлучилъ меня отъ васъ въ будущей жизни.“ „Если обрящу дерзновеніе, буду молить! А ты паче всего будь всегда проста и незлобива; больше всѣхъ сокровищъ ищи стяжать молитву; когда стяжешь ее, она какъ болячка вроснетъ въ сердце, и тогда уже не измешь ее.“ „Мы надѣемся, отецъ мой, сказать вамъ еще: Христось воскрес!“ „О нѣтъ! Пасху уже я тамъ буду торжествовать! Тамъ Пасха нескончаемая! Уповаю, уповаю на заступницу мою— Пресвятую Богородицу! Она меня проведетъ чрезъ мытарства, покроетъ отъ злобы враговъ. Ну, прощайте!“ Всенощную службу— послѣдованіе страстей Христовыхъ, слушалъ онъ изъ своей кельи. Послѣ всенощной исповѣдывалъ еще двухъ усерднѣйшихъ и ближайшихъ дочерей своихъ, и они, уда-

ляясь отъ него, не думали, что получаютъ послѣднее его благословеніе и слышать послѣднее его слово....

Въ пять часовъ утра пономарь, убирая церковь и приготовляя что нужно къ служенію литургіи, слышалъ, что старецъ вышелъ изъ теменькой келліи своей. Убравши, онъ отворилъ дверь изъ церкви въ келлію, и взошелъ, чтобы принять благословеніе у старца, и видитъ его сидящимъ на стулѣ близъ маленькаго столика, у дверей церковныхъ, съ поникшею главою, какъ бы въ глубокой думѣ. „Благословите, батюшка,“ говоритъ онъ. Нѣтъ отвѣта. Онъ повторяетъ тоже, и тоже молчаніе. Онъ приближается и видитъ, что душа его уже отлетѣла ко Господу. Мгновенно разнеслась скорбная вѣсть по святой Лаврѣ и всѣ спѣшили и тѣснились у дверей келліи его. Пользуясь всегда особеннымъ довѣріемъ начальства и благоговѣйнымъ уваженіемъ поклон-

никовъ Лавры, онъ никогда не былъ предметомъ зависти для братіи; всѣ любили его, всѣ радовались видѣнію его, какъ видѣнію Ангела; и эту любовь пріобрѣлъ онъ младенческимъ незлобіемъ и неподражаемою простотою, живо напоминавшею древнихъ отцевъ первыхъ, золотыхъ временъ иночества. Вотъ началось торжественное Богослуженіе великаго дня и умиленное зрѣлище поразило предстоящихъ: святая плащаница, съ изображеніемъ пречистой плоти нашего Искупителя, и тутъ же во гробъ вѣрный рабъ Его! Такъ еще на землѣ исполнилось надъ нимъ слово Господне: *Идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ*.

Въ великую Субботу изъ келейной церкви, которая не могла вмѣщать усердствующихъ служить панихиды по усопшемъ, тѣло его было перенесено въ крестовоздвиженскую, что надъ пещерами, церковь самимъ Высокопрео-

священнымъ Митрополитомъ съ Архимандритами, несшимъ на своихъ раменахъ гробъ его, и братією Лавры. На другой день свѣтлаго Христова Воскресенія совершено имъ же, при многочисленномъ стеченіи народа, отпѣваніе усопшаго. На семь отпѣваній, по чину Церкви, не слышно было обычныхъ погребальныхъ пѣсней, а слышались только радостныя и торжественныя пѣсни воскресенія Христова. Такъ онъ, приобщившись смерти Христовой и жизни и кончиною своею, еще здѣсь приобщился и воскресенію Его! По общему закону природы въ третій день по смерти видѣ чловѣка измѣняется: сего ради и третины совершаемъ, — говоритъ преданіе церковное; а его многотрудное тѣло не только не измѣнилось, ноказалось въ лучшемъ видѣ, чѣмъ въ послѣдніе болѣзненные дни свои. Кроткая улыбка и вмѣстѣ что-то важное, глубокое, невозмутимое отражалось на лицѣ его. Это была не молитва, а

созерцание, непрерываемое уже ни чѣмъ земнымъ. Гробъ и смертные останки самаго близкаго челоуѣка внушаютъ чувство скорби, смѣшанной съ какимъ то страхомъ: отъ этаго гроба не хотѣлось бы оторваться и мало знавшимъ покойнаго. Во все время, до самаго погребенія, стеченіе народа въ церкви, гдѣ стоялъ гробъ его, было чрезвычайное.

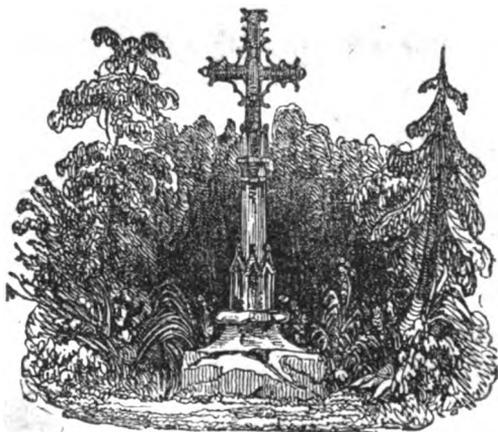
По совершеніи погребенія гробънесенъ былъ въ Голосѣву пустынь его духовными сыновьями, и не взирая на сильный дождь, продолжавшійся почти во все время шествія, многочисленная толпа народа сопровождала его. Высокопреосвященный, побывавшій впередъ, встрѣтилъ его въ Голосѣвѣ. Здѣсь, въ этой пустыни, въ которую любилъ уединяться старецъ въ продолженіи семнадцати лѣтъ, ожидала его, въ храмѣ Живоноснаго Источника, уединенная могильная келья, уготованная ему любовію Архипа-

стыря. Тутъ любитель безмолвія покоится послѣ труженнической жизни, окруженный безмолвіемъ пустыни, только изрѣдка прерываемымъ благоговѣйнымъ шагомъ богомольца, приходящаго почтить поклоненіемъ прахъ почившаго. Пресвятая Дѣва была для него источникомъ воды живой, прохлаждавшей жажду его къ небесному; и вотъ въ храмъ Ея Живоноснаго Источника почиваетъ онъ, осѣняемый Ея святою иконою, и—мнится—возносить къ Ней и изъ нѣдръ земли молитвенныя свои пѣснопѣнія: „Нацъ прекраснѣйшая и добропослушливая Маріе, Слово Мати пречистая! ничего же инаго, кромѣ Божіей любви, пожелати не знаю, и въ послѣдняя моя, на поклоненіе ко Иисусови проити, отъ злобныхъ стражей мытарствъ Ты ми помози; на Тебе надѣюся и Тобою хвалюся, да во вѣкъ не посрамлюся; пепель и персть азъ.“ „Несомнѣнная моя Надежда, архангельскій гласъ вопію Ти, безгрѣшная Маргарито,

спасающая родъ нашъ, Игуменія Лавры пещерь, обрадованная радуйся! съ Тобою Господь, Тобою же съ нами; умилосердися надо мною; грѣшень есмь, но твой; поручница мнѣ и житію исправительница буди. Всего себе вручаю Тебѣ, Мати Божія, сохрани мя подь кровомъ Твоимъ!“ „Сердобольная Мати моя Богородице, и несомнѣнная вся надеждо, подь кровомъ Твоимъ сохрани меня, погибающа отъ коварнаго дѣйствія сатаны, губяща бѣса и въ шлемъ спасенія облецы мя инока.“ „О безцѣнный Иисусе, нашъ Спасителю, волею самъ обнищавый, да насъ по земли ползających обогатиши спасительнымъ Твоимъ озареніемъ, общаваяся раскаянныхъ грѣховъ не поманути человѣкомъ! Ради язвъ Твоихъ святѣйшихъ, источившихъ кровь Твою дражайшую намъ, и нескazanной скорби Матери Твоей, претерпѣнной при Твоемъ страданіи, помилуй чадолубною Твоею благостынею и пощади вся человѣки, Бога Тя знающія, уснувшія

смертнымъ сномъ до нашего возстанія изъ гробовъ общаго, и вмѣсти оныя съ праведными въ рай; на всѣхъ же людехъ земнородныхъ, еще въ вѣцѣ семь скитающихся, покажи пучину Твоихъ щедротъ, и между собою намъ, пока въ животѣ есмь странники, подарствуй миръ и любовь имѣти, и въ царствіе, конца немущее, ввсегда приспѣеть время тому, пріими насъ— Твое созданіе, всякаго языка и племени, введи же насъ во обители блаженнаго Отца Твоего и нашего отечества милаго, идѣже избранныхъ жилище и покоище спасенныхъ милосердіемъ Твоимъ, ходатайства же ради Богородицы, вельми дивно страшной тайнѣ послужившей, и святыхъ жителей горнихъ, непрестанно Господа и Бога славословищихъ, въ тріехъ Упостасѣхъ Единицу, всея твари Управителя. Съ ними же и азъ многогрѣшный беззаконникъ радостно восхваляю и съвоплемъ зѣльнымъ докучаю, глаголюще: Трисвятый Обладателю всяческихъ и троичное просвѣщеніе овра-

ченныхъ , едино Божество и естество ,
едино могущество и державство, едино
царство и господство, Отче благій,
Сыне щедрый, Душе правый, въ ли-
цахъ трехъ единый, Властелинъ всему,
полны суть небеса и вся стихіи земли
прославленія Твоя чести, и должнымъ
долгомъ достойтъ пѣти Тя во вся вѣки.
Аминь .“—

ДУХОВНЫЯ НАСТАВЛЕНІЯ
И
ИЗРЕЧЕНІЯ
ІЕРОСКИМОНАХА
ШАРОУНІЯ.

Разсужденіе выше всѣхъ добродѣтелей ; чрезъ него душа противится страстямъ и помысламъ, обуевающимъ ее .

* * *

Разсужденіе выше всего ; терпѣніе нужнѣе всего ; молчаніе лучше всего ; многорѣчіе хуже всего .

* * *

Потеря благодати страшнѣе всѣхъ потерь ; нѣтъ бѣдственнѣе состоянія , какъ состояніе человѣка , потерявшаго благодать . Весьма немногіе возвращали ее величайшими подвигами . Надобно имѣть непрестанную бдительность , чтобы сохранить ее . Она дается намъ туне , по единому милосердію Божию : но къ сохраненію ея мы должны прилагать все свое тщаніе .

* * *

Врагъ неусыпно борется съ нами . Прежде бореть онъ насъ съ шуй стороны , т . е . искушаетъ насъ нашими

же страстями и похотями; а когда не успеешь побороть съ шуей, бороться насъ съ десной, т. е. въ самыхъ добрыхъ дѣлахъ нашихъ устроить намъ сѣти къ паденію.

* * *

Чѣмъ ближе приблизишься ты къ Богу, тѣмъ сильнѣе врагъ ухватится за тебя. Потому-то *еще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе.*

* * *

Врагъ во все наше доброе всѣваетъ свои плевелы.

* * *

Никогда не должно скоро послѣдовать своему помыслу, хотя бы онъ и благъ являлся, но испытывать его временемъ.

* * *

Чтобы стяжать терпѣніе въ скорбяхъ и искущеніяхъ, вѣруй, что все дѣлается съ нами по волѣ Божіей.

Крайне опасно послѣдовать сво-

имъ мыслямъ и разсужденію въ дѣлѣ спасенія. Нашъ умъ—ограниченное око плоти, которое можетъ только видѣть и распредѣлять дѣла внѣшнія и вещественныя; а пути высшіе должны мы предавать Самому Богу чрезъ отца нашего и наставника, и во всемъ слѣдовать его разсужденію.

* * *

Наши желанія и намѣренія безпрестанно измѣняются и разсѣиваются какъ прахъ. И такъ всеконечно должны мы умертвить свою волю и предаться волѣ водителя нашего.

* * *

Берегись осуждать ближняго, а чтобы не впасть въ сіе искушеніе языка, не присматривайся къ чужимъ поступкамъ.

* * *

Нищелюбіе и нестяжаніе великія сокровища уготовляютъ душѣ.

* * *

Неизреченная польза пронстекаетъ отъ уединенія, но съ нимъ нераз-

лучна должна быть молитва .

* * *

Уединеніе и молитва выше всякаго блага .

* * *

Стяжавшій молитву не имѣть времени и подумать о чемъ либо земномъ; ему тяжелы и бесѣды и видѣніе людей и все отвлекающее его отъ Бога .

* * *

Истинную молитву стяжать неизреченно трудно . Не разъ душа за подвигъ сей приблизится ко вратамъ смертнымъ . Но кто уже сподобится стяжать ее , у того она какъ болячка врослетъ въ сердце и ничто не изметъ ее .

* * *

Любовь къ Богу можно возжечь въ душѣ только одною непрестанною молитвою .

* * *

Уединеніе внѣшнее должно сопровождаться уединеніемъ внутреннимъ . Только совершенное удаленіе отъ человѣкъ , тѣломъ и мыслию , можетъ

даровать миръ душевный.

* * *

Врагъ наводитъ уныніе на всякую душу, хотящую спастись.

* * *

Страхъ Божій болѣе поста и всѣхъ подвиговъ измождаетъ плоть. Кто стяжалъ его, для того нѣтъ на землѣ ни скорби, ни радости.

* * *

Человѣкъ всѣми своими усиліями, безъ содѣйствія Божія, не можетъ расплагать ни внѣшнюю жизнь свою, ни состояніемъ души своей. Безъ Бога ни до порога.

* * *

Наша человѣческая воля есть—только пожелать добраго и изыскивать на то средства, а совершитель и дѣлатель всякаго добраго есть Богъ; а злое отъ насъ.

* * *

И добръ житьствовать и добръ творить—добръ мыслить—нѣсть жертва

Богу, а долгъ человѣческой предъ Нимъ.

Чтобы уклониться отъ смущенія и сохранить духъ молитвы, уклоняйся отъ всякаго рода бесѣдъ и посѣщеній, всему предпочитай уединеніе и часто размышляй о смерти.

Смерть вождельнна для любящихъ Бога, но страшна не уготовавшимся.

Храненіе чистоты тѣлесной должно сопровождаться храненіемъ чистоты мысленной.

Чистоту тѣлесную и мысленную можно стяжать только непрестанною молитвою и устремленіемъ ума къ Богу; пришествіе Святаго Духа поаляетъ и истребляетъ всѣ страсти.

Гнѣвъ, тщеславіе или высокоуміе и осужденіе ближняго отгоняютъ Святаго Духа.

Честь отъ чловѣкъ бываемая
должна быть ненавистна душѣ, ищущей
спасенія и познающей свою
немошь .

* * *

Излишество въ пищу наносить
душѣ большой вредъ, нежели тѣлу, и
излишній сонъ — отъ излишней пищи.

* * *

Малѣйшее пристрастіе не только къ
чловѣку, но и къ вещи, наводитъ
гнѣвъ Божій и даетъ мѣсто тли .

* * *

Для достиженія совершенной чи-
стоты не имѣй привязанности, даже ду-
ховной, ни къ чловѣку, ниже къ вещи;
люби всякаго любовію совершенною,
какъ самаго себя, но безъ пристрастія,
т. е. не желай видѣнія или присут-
ствія любимаго чловѣка и не услаж-
дайся мыслію о немъ .

* * *

Молчаніе есть великая добродѣтель;
молчаливый не исправится на землѣ .

Многорѣчіе отгоняетъ благодать и погубляетъ теплоту души.

Нестяжаніе и молитва необходимы для спасенія. Молитва рождаетъ нестяжаніе, нестяжаніе молитву.

Кто самъ не достигъ въ мѣру совершенства и начинаетъ учить другихъ,— погубляетъ и то, что имѣлъ.

Всѣ средства употреблай для снисканія мира душевнаго, и ни чѣмъ, кромѣ молитвы и уединенія не обрѣтешь его.

Отъ того впадаемъ мы въ немирствіе съ ближнимъ, что не хотимъ, по слову Господню, отвергнуться самихъ себя.

Человѣкъ облагодатствованный не можетъ быть не миренъ за что на ближняго

Должно быть мирнымъ и равнодушнымъ во время гнѣва ближняго на насъ, не трогаться словами, не смущаться угрозами: ибо онѣ не могутъ имѣть на наше будущее ни малѣйшаго вліянія; будетъ только то, что опредѣлилъ Богъ.

* * *

Царствіе Божіе нудится, и нуждицы восхищаютъ его. Это насліе не ограничивается однимъ воздержаніемъ отъ страстей и пищи, но простирается на всѣ внутреннія и внѣшнія дѣйствія и движенія наши. Дѣлай все вопреки хотѣнія плоти: хочется лечь покойнѣе, — принудь себя на противное; хочется облокотиться сидя, — воздержись, и такъ во всемъ.

* * *

Должно нудить себя и не хотѣща къ молитвѣ и ко всему благому.

* * *

ценное обнищаніе Христа
сокровище для души:

но оно можетъ быть вмѣстимо чело-
вѣкомъ только при твердомъ и непо-
колебимомъ упованіи на промыслъ
Божій. Имѣй это упованіе несо-
мнѣнно, и Господь не попуститъ
тебѣ умереть съ голоду, или имѣть
какую либо нужду; а усумнись хотя
немного, или взыщи помощи чело-
вѣческой, или понадѣйся на себя,—
промыслъ Божій отступитъ отъ тебя.
Петръ еще въ тѣлѣ сый могъ идти
по волнамъ, доколѣ не усумнѣлся
мыслию.

* * *

При помощи челоувѣческой уда-
ляется помощь Божія. Одному пустын-
ножителю служили Ангелы; а когда
приблизились люди и стали служить
ему,— Ангелы удалились отъ него.

* * *

Промыслу Божию онась нѣтъ пре-
дѣла. Онъ невидимо ведетъ насъ.
Ничто не случается безъ воли Божіей;
всему опредѣленъ день и часъ. Все

ложи все упованіе на Бога, и Онъ будетъ промышлять о тебѣ; а пекись о себѣ самъ, — Онъ будетъ помогать тебѣ, но вседѣйствующій промысль Его отступить отъ тебя.

* * *

Для пріятія Святаго Духа необходимо изнурить плоть; даждь плоть, и пріими Духъ.

* * *

Въ тучномъ тѣлѣ не вселяется Духъ Святой, хотябы кто и добродѣтеленъ былъ. Для того, чтобы быть храмомъ Божиимъ, надобно, чтобы душа и тѣло были чисты и святы.

* * *

Въ простыхъ сердцахъ почиваетъ Духъ Святой. Простота внутренняя должна изливаться и на все внѣшнее наше, — простота во всемъ: въ рѣчахъ, въ наружности. Не представляйся благоговѣйнымъ, не смотри внизъ, не говори притворно тихимъ гласомъ; обрываетъ намѣреніемъ

сочиняешь наружность свою,— благодать отступить отъ тебя.

* * *

Всякая благословенная душа есть проста, справедлива, милостива, любезна, негорда, незлобива, невеличава, непрезорлива, воздержна и боящаяся Бога.

* * *

Незлobie и простота паче всѣхъ добродѣтелей низводятъ на насъ благодать и милость Божию.

* * *

Отъ памятозлoбнаго отвращается Богъ. Молящемуся и питающему злобу на ближняго, вмѣсто Ангеловъ сопрутствуютъ демоны, и молитва его бываетъ въ грѣхъ.

* * *

Не хитри въ дѣлѣ спасенія; не изыскивай особенныхъ путей; не налагай на себя особенныхъ подвиговъ; а какъ придется, какъ пошлетъ Господь силу тебѣ; только непрестанно и нещадно

нудь себя на все благое.

* * *

Зло пристаётъ къ намъ какъ зара-
зительная болѣзнь. Если будешь часто
обращаться съ язычникомъ, съ клевет-
никомъ, съ миролюбцемъ, — и самъ
незамѣтно впадешь въ тѣ же пороки.
И наоборотъ: обращайся часто съ му-
жемъ духовнымъ и молитвенникомъ, —
и въ тебя перельются тѣ же добродѣтели.

* * *

У человѣка нечистаго и страстнаго
и вещи его заражены его страстями;
не прикасайся къ нимъ, не употреб-
ляй ихъ.

* * *

Не должно рассказывать другимъ о
своихъ подвигахъ и молитвенномъ пра-
вилѣ. Хотя бы это было и не изъ
тщеславія, но у тебя отнимется даръ,
который ты обнаружилъ.

* * *

Нищета и нестяжаніе — необходимое
достояніе монаха.

Хотящій быть истиннымъ монахомъ долженъ имѣть крайнее нестяжаніе, изыскивать, какъ бы обойтись и безъ необходимаго.

* * *

Монахъ долженъ самъ служить себѣ во всемъ и питаться трудами рукъ своихъ.

* * *

Монахъ долженъ жить одинъ, а другой съ нимъ— Господь.

* * *

Для истиннаго монаха не существуетъ никто и ничто на землѣ. Его радость и наслажденіе непрестанная молитва. Онъ любитъ всѣхъ людей, но скучаетъ съ ними, потому что они отлучаютъ его отъ Бога.

* * *

Монаху самый вѣрный путь ко спасенію— уединеніе и въ немъ непрестанная молитва. Безъ молитвы нельзя снести уединенія; безъ уединенія нельзя стяжать молитвы; безъ молитвы никогда не соединишься съ Богомъ; а безъ сего

соединенія сомнительно спасеніе .

* * *

Молитва истинная есть та , которая
вросла въ душу и совершается духомъ .
Для стяжанія ея великій потребенъ
подвигъ умственный и тѣлесный .

* * *

Украшеніе монаху— келья его ,
т. е. неисходное въ ней пребываніе .
Никто не возвращался въ келью свою
такимъ , какимъ вышелъ изъ нея .

* * *

Поруганіе , бїеніе и заушеніе есть
человѣку инокующему даръ Божій и
благодать свыше ; Святые скорбями
совершаются .

* * *

Хорошо съ Богомъ вездѣ , а безъ
Него очень скучно и въ раю и въ адѣ :
ибо подобный небесному и на землѣ
есть рай, есть и адъ, только невидимые,
такъ какъ и Богъ на небесахъ , Онъ же

и на землѣ; только здѣсь все невидимо, а тамъ все видимо, — и Богъ и рай и адъ.

* * *

Если Богъ съ нами невидимо на землѣ, — это знаменіе, что будетъ съ нами и на небеси. Если же не узримъ сердцемъ на землѣ Бога, и въ небѣ не узримъ.

* * *

Монахъ, нерадившій о своемъ спасеніи, есть ругатель Божій. Лучше бы монаху согнуть во чревѣ матери своей, когда онъ не печется о своемъ званіи.

* * *

Чтеніе псалтири укрощаетъ страсти, а чтеніе Евангелія поपालетъ терніе грѣховъ нашихъ: ибо слово Божіе огонь подаяй есть. Однажды въ продолженіи сорока дней читалъ я Евангеліе о спасеніи одной благотворившей мнѣ души, и вотъ вижу во снѣ поле, покрытое терніемъ. Внезапу спадаетъ огонь съ небесе, поपालетъ терніе, покрывавшее поле, и поле остается чи-

сто. Недоумѣвая о семъ видѣннм, я слышу гласъ: терніе, покрывавшее поле,— грѣхи благотворившей тебѣ души; огонь, попалившій его,— слово Божіе, тобою за нее чтемое.

* * *

Имѣвъ правиломъ своимъ— ежедневно читать Евангеліе и прочитывать его часто все, старецъ давалъ это правило и ученикамъ своимъ, духовнымъ своимъ дѣтямъ. Дарилъ имъ и книги Евангелія съ своими надписями, каковы:

* * *

„Вотъ тебѣ передаю благодать— святое Евангеліе. Совершай прочтеніемъ въ седмицу четырехъ Евангелистовъ единожды, да сподобишися благодати и разума Божія истиннаго и добрую кончину получить, и вѣчнаго наслажденія, видѣннмъ трехъ впостасей, сіяющихъ въ Божествѣ единосущнѣмъ, не лишишися.“

* * *

„Вотъ вамъ, чада Божія, страстная

**Евангелія. Прочитывайте, когда при-
лучится, а паче въ скорбное время, да
утѣшитъ Господь тогда. Любящему Го-
спода вся поспѣшествуютъ, и хорошо
съ Богомъ быти, а скучно безъ Него,
и вся тогда злая намъ .“**

* * *

**„Сію книгу— Евангеліе святое дарю
за послушаніе мнѣ чаду моему духов-
ному... Прійми сію заповѣдь отъ мене
недостойнаго: совершай прочтеніемъ
въ двѣ недѣли всѣхъ четырехъ Еван-
гелистовъ. Сія книга есть мати всѣхъ
книгъ, также она есть молитва надъ
молитвами, и есть управитель въ цар-
ствіе небесное, и въ разумъ истинный
на землѣ человѣковъ приводитъ, и
сподобляетъ зрѣти Бога сердцемъ еще
во плоти, а лицомъ къ лицу въ гряду-
щемъ вѣцѣ удостоиваетъ наслаждаться
сладкимъ видѣніемъ святыхъ Троицы.“**

* * *

**„Вотъ тебѣ, чадо духовное, мое
Евангеліе. Молися и за меня и поминай**

любовь мою къ тебѣ; а паче молися честнымъ житіемъ и простодушнымъ. Терпѣніе нужднѣйше всего, дѣвство храни, молчанія придерживайся: ибо въ язычномъ инокѣ и многоглаголивомъ сомнительно спасеніе; молчаніе собираетъ, а глаголаніе расточаетъ. Крѣпко молись, не жалѣй себя. Поруганія, біенія и заушенія есть иноку даръ Божій и благодать свѣще.“

* * *

„Буди на тебѣ благословеніе Божіе, чадо мое духовное, покровъ несомнѣнной нашей надежды Богородицы и помоществованіе Чудотворцевъ Печерскихъ. Вотъ тебѣ заповѣданное правило иноческое: отъ сна воставъ— акаѣиствуй Спасителю, а ко сну отходя— Богоматери и пять каѣизмъ въ сутки; Евангеліе все въ двѣ седмицы, а каноны предай церкви. Не вдавайся въ различныя чтенія, а междучасіемъ

Иисусову молитву твори, примѣшивая къ ней и Богородично обрадованіе. Всси, что суетно спасеніе чловѣчское, а о Бозѣ сотворимъ силу, и Той уничтожить враги наша. Молися и за меня и поминай любовь мою, а тебя поручаю благодати Пресвятаго Духа, аминь.

Геросхимонахъ Парвеній.—“

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA

B.P229 S

C001

Skazanie o zhizni i podvigakh stars'ya K

3 0112 095271273